

В.П. ВОЛК- КАРАЧЕВСКИЙ

УБИТЬ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ II

ТАЙНА
ЖЕНСКОГО
СЕРДЦА

БОЛЬШОЙ ЗАГОВОР

ПРИГОВОРЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ

В. П. Волк-Карачевский
Тайна женского сердца
Серия «Большой заговор.
Приговоренные императоры.
Убить императрицу Екатерину II»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57140091
Тайна женского сердца: ТГББ; Москва;
ISBN 978-5-905748-04-2

Аннотация

Роман-хроника «Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II» описывает исторические события с момента царствования Екатерины II, создания первого масонского государства в Северной Америке и великой масонской революции во Франции до наших дней. В центре повествования – судьбы правителей России и тех государственных деятелей Европы, которые оказались на пути масонов к мировому господству. Все правители России от Екатерины II до Николая II пали жертвами тайных сил, шаг за шагом продвигавшихся к своей цели. Русские императоры были приговорены к смерти, как некогда французские «проклятые короли», поплатившиеся жизнью за разгром ордена тамплиеров,

возродившегося во всемирном сообществе франк-масонов. Первые книги посвящены истории убийства императрицы Екатерины II и её фаворита, светлейшего князя Потёмкина, а также королю Франции Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте, сложившим головы на эшафоте, и выходу на историческую арену Наполеона Бонапарта, положившего на полях сражений миллионы голов. В этой части многосерийного повествования рассказывается о первых годах службы Наполеона Бонапарта, о начале второй русско-турецкой войны и бедах короля Франции Людовика XVI. Главный герой романа наконец узнает в чем суть отречения цесаревны Анны, а влюбленная в него Оленька Зубкова узнает тайну рождения своего возлюбленного.

Содержание

Предуведомление,	9
I. Когда Наполеона Бонапарта называли Набулионе Буонапарте и он еще не знал, чего он хочет	15
1. В кого же вы были влюблены?	15
2. Да, у него была любовь	21
3. О Вертер!	27
4. Он интересен, но он глупышка	32
5. Отчего я не осмелился броситься к ее ногам?	37
6. О ничтожных французишках и презренной Франции	41
7. К вопросу о блаженстве	49
II. В тверской глуши	53
1. Ход событий и две страшные тайны	53
2. Друзья далекой молодости	59
3. Источники мыслей и мысли, отвлекающие от суеты	65
4. Вот в чем суть отречения Анны	70
5. О Фридрихах и Карлах, трущихся у русского трона	75
6. Приговоренные властители	81
7. Иллюминаты – они-то и нашли отречение	86

Анны	
8. В их руках – весь мир	93
9. Чему посвятить жизнь	97
10. Не так все просто	102
11. Тщетная попытка Гераклита	107
12. Заботы и хлопоты	113
13. Любовь, любовь	118
14. Верую, верую и трудов не пожалею	122
15. Где она? Какие каверзы готовит?	127
III. Мечты и мысли, надежды и планы Елизаветы Холмской	131
1. Задача состоит в том, чтобы...	131
2. О скупости и бережливости	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

В. П. Волк-Карачевский

Тайна женского сердца

© Волк-Карачевский В. П., текст, 2020

© «ТГВБ», перевод, издание, 2020

* * *

*Жану де Лабрюйеру,
прославившемуся знанием разнообразия
человеческих характеров и нравов, а также
пониманием тонкостей незыблемых законов
книготорговли, посвящает эту и все последующие
книги автор, преисполненный благодарности и
надежд, пусть себе даже и не всегда оправданных,
но тем не менее согревающих душу.*

Теория заговора имеет такое же право на существование, как и все теории, изо всех сил ее опровергающие, но, несмотря на свой всеобщий против нее заговор, так ничего и не сумевшие опровергнуть.

Теория заговора объясняет ход истории человеческой с той же достоверностью, с которой небесная механика известного англичанина Ньютона объясняет движение планет вокруг Солнца. Можно сколько угодно отрицать

Ньютона и находить неточности в его формулах, но планеты не прекратят движение по своим орбитам, невзирая на опровержение причин, заставляющих их совершать сие движение, совершенно не обращая внимания ни на самые точные расчеты этих орбит, ни на самые новейшие изыскания всех астрономов со всеми их телескопами.

Из частного письма.

Какой роман моя жизнь!

Слова, приписываемые Наполеону Бонапарту, которые вполне могли бы сказать и императрица Екатерина II Алексеевна, и светлейший князь Потемкин, и поэт Гавриил Державин, и поэты Шиллер и Гёте, а также знаменитые проходимцы: граф Мирабо, Талейран, наивный Лафайет, дочь банкира Неккера мадам де Сталь, сам господин Неккер, так удачно погревший руки на развале королевской Франции, господа парламентские ораторы, не дававшие спуска друг другу Питт и Фокс, князь Репнин, граф Румянцев вместе с сыновьями, стар и млад семейства Разумовских, граф, князь и канцлер Безбородко, в конце концов достигший всего, но не того, чего больше всего хотелось, император Павел I и его сын Александр, художник Гойя, вездесущий Бомарше, король Людовик XVI, его супруга Мария Антуанетта и, конечно же, Катенька Нелимова, милая автору непосредственностью и бесхитростной живостью желаний восторженного сердца. Как, впрочем, и многие другие персонажи, оставившие свои имена на потрепанных временем страницах истории,

беспристрастно изложенной в настоящем сочинении.

Предуведомление, в котором автор неторопливо размышляет об Истории и о своих задачах, из этих размышлений вытекающих

В конце известного пылкостью чувств и склонностью к просвещению и так любимого мною XVIII века в России и в странах, от нее значительно удаленных, произошли события, вызвавшие последствия, которые ни много ни мало изменили мир: карта Европы украсилась названиями новых государств, вместо башимаков с серебряными пряжками мужчины стали носить совсем другую обувь, женщины забросили шляпки, напоминающие чепчики, и надели на свои прелестные головки нечто совсем не похожее на то, чем они раньше надеялись привлечь нескромные взоры. Ну а никогда не дремлющие историки торопливо вписали в свои книги множество новых имен; часть же имен, раньше не сходивших с кончиков их остро отточенных перьев, остались только в книгах, написанных до всех этих событий, а если и упоминались теперь, то все реже и реже.

А уж как перепутались жизненные пути простых людей, чьи имена не внесены ни в какие книги, кроме метрических,

людей, никому не известных, но дорогих родным и близким, включая иногда и добрых соседей. Многие романтические девушки не дождались своих возлюбленных и вышли замуж совсем не за тех, о ком мечтали на заре туманной и полной неясных надежд юности; некогда состоятельные господа обеднели, иные и вовсе разорились, а один подававший надежды стихотворец спился и умер в изъеденной мышами безвестности, не удостоившись бронзовых бюстов на шумных площадях столицы и мраморных изваяний в тихих залах библиотек. Так порой случается раз в три-четыре столетия, а то и чаще. Мир меняется.

И если ты, мой не лишенный любопытства читатель, запасешься терпением и усердием и, одолевая страницу за страницей настоящего сочинения, проследишь ход этих событий в их стремительном развитии, то увидишь чудесную картину, – ее по примеру одного легкомысленного француза, ко всему еще наделенного поистине африканским темпераментом, я хочу повесить на надежный гвоздь Истории.

Что есть история? Некоторые считают, и весьма упорно, что это взаимосвязь причин и следствий, вытекающих из строгих и неизменных законов. И не только считают, но и излагают свое мнение, часто очень пространно, с многими подробностями, и весьма успешно – в том смысле, что находятся издатели, которые печатают их труды (именно труды, но никак не сочинения), и благодаря тому, что труды эти многотомны, а тома внушают уважение весом

и толициной, ими, этими томами, удобно заполнять полки библиотек.

И уже другие, следующие в порядке очереди историки, напроць лишенные французского легкомыслия и тем более африканского темперамента, снимают покрытые пылью фолианты с полок, изо всех сил ворошат страницы, анализируют факты, сопоставляют цифры и делают совершенно новые выводы и неопровержимые, даже парадоксальные заключения. И все это движется подобно священной реке, суровым торжественным потоком, застывая в незыблемых гранитных берегах триумфальных арок, парадных порталов и заново отштукатуренных фасадов.

Что касается меня, то я, мой снисходительный и благожелательный читатель, скромно держусь в сторонке от этого неумолимого в своей величавой вечности потока.

Волей-неволей мне пришлось прочесть так много томов исторических трудов, что изложенные в них факты я по большей части уже забыл, а цифры, по свойственной мне беспечности, безнадежно перепутал. Волей, потому что читал я их, в общем-то, по своей охоте, подталкиваемый природным любопытством, приобретенным по ходу продвижения от счастливого и беззаботного младенчества к наивному детству, а от детства к непоседливой юности и зрелым летам, достигнув коих я обнаружил несметные и всевозрастающие запасы этого самого любопытства, требовавшего ответов на множество вопросов, – ответы на многие из

них мне удалось найти сначала с помощью милых и беззаботных девушек, а потом догадливых и, что очень важно, предусмотрительных женщин. Но часть вопросов оставались без ответов, и ответы на них я доверчиво понадеялся отыскать в толстых книгах, по скупости, свойственной издателям, обычно не снабженных картинками, хотя иногда в них попадались гравюры и гравированные же портреты.

Ну а невольно, потому что перелистывать сотни и тысячи страниц приходилось себя заставляя: уж больно было скучно. И тем не менее, благодаря усердию (к которому призываю и тебя, мой неустанно ищущий высоких истин читатель), перелистав множество исторических трудов, я обнаружил, что факты и цифры и даже глубокомысленные выводы совсем не есть История, а только всего лишь одежды Истории, часто строгие, сверкающие и блестящие и даже расшитые золотыми галунами, как ливреи важных лакеев, иногда подызносившиеся и лоснящиеся в некоторых местах от долгого употребления, а иной раз это и просто лохмотья, ветхие и сверкающие не золотом и серебром, а зияющими дырами, порой гордо выставляемыми на всеобщее обозрение по примеру Антисфена, одного из не очень известных учеников прославленного древнегреческого философа Сократа, наставника знаменитого Диогена. А вот под этими одеждami и скрыто главное, суть и сущность Истории. Что же это? Интрига, интрига и еще раз интрига, догадливый мой читатель.

Слово интрига, как и всякое достойное уважения слово, происходит из древнегреческого языка и в точном переводе значит «пружина», точнее – «опасная пружина» и еще точнее – «опасно сжимаемая пружина».

Сжимают ее люди, которым избыток желаний и все того же любопытства вкупе с обычной непоседливостью и еще кое-какими качествами и чертами характера не дают вести размеренно-обыденную жизнь в привычных делах и заботах, и потому-то они и сжимают и закручивают ее, эту пружину, до тех пор, пока она не разожмется и не подбросит вверх тормашками всех, кто сжимал ее, вместе с теми, кто мирно вращался в кругу спокойной жизни и ни во что не совал своего носа.

Вот тогда-то и меняется мир, со всеми его странами, башмаками и шляпками. А люди, нарядившись в новые одежды, опять начинают сжимать все ту же пружину, движимые все теми же желаниями, прихотями и чудачествами, которые сплетаются в цепочки, тянущиеся из прошлого в будущее, завязываются мелкими узелками, а время от времени затягиваются в сложнейший узел, и его потом приходится развязывать, распутывать, а то и разрубать мечом, как это сделал однажды нетерпеливый царь македонян Александр, благо меч у него всегда был под рукой, а решимости ему было не занимать.

Читателя, жаждущего скрупулезного разбора фактов и глубокомысленных выводов, я отсылаю к библиотечным

полкам, заполненным трудами самых кропотливых историков, среди них преобладают немцы – безусловно, именно им, а не кому-либо еще нужно отдать пальму первенства, когда дело доходит до точности и глубокомыслия, по поводу, к примеру, непонятных, далеких звезд на ночном небе и нравственного закона – а к чтению моего сочинения я приглашаю только любителей интриги.

Интриги, интриги и еще раз интриги, плаща и кинжала, любви и шпаги.

Ибо, как и еще один француз – он хотя и не обладал африканским темпераментом, но тем не менее не стеснялся присущей его соплеменникам легкости и простоты вкусов, – я тоже променял бы любые серьезнейшие исторические труды на разного рода подробности, особенно интимные и потому не вошедшие в официальные отчеты, реляции и манифесты.

Я держусь мнения, что именно они, эти интимные и тайные, а вследствие своей тайности малоизвестные подробности, и есть основа интриги всех событий. А интрига и есть История, что я и продолжу доказывать тебе со следующей страницы, мой доверчивый, а главное, ленивый читатель: когда-то ты поленился прочесть какого-нибудь Карамзина с Соловьевым в придачу или Лависса и Рамбо, ну так не поленись полистать книгу, которую волею случая ты уже держишь в руках.

I. Когда Наполеона Бонапарта называли Набулионе Буонапарте и он еще не знал, чего он хочет

1. В кого же вы были влюблены?

*Настоящая фамилия Бонапарта – Буонапарте. Он собственноручно подписывался ею вплоть до тридцатитрехлетнего возраста.
Ж. Тюлар.*

*Буона-Парте (Buona-Parte) – очень старый и благородный тосканский род из Тревизо и Флоренции, чье родословное дерево доводят может быть слишком усердные генеологи до начала десятого века.
Д. С. Мережковский.*

– Скажите, Набулионе... а вы были когда-нибудь влюблены? – задумчиво спросила Королина Коломбье своего молоденького кавалера, прогуливаясь ранним утром вместе с ним в старом фруктовом саду имения Бассо, принадлежащего ее матери, мадам Грегуар дю Коломбье, вдове почтенных лет, опытной в жизни и вполне состоятельной.

– Да, – коротко ответил юноша в темно-синем мундире с

золотыми эполетами.

Набулионе Буонапарте, итальянец с острова Корсики, служил в полку Ла-Фер, стоявшем в Валансе, и имел чин поручика артиллерии. Он совсем недавно закончил обучение в Королевской Парижской военной школе и получил назначение в гарнизон города Валанса.

Часть пути до места службы новоиспеченный поручик прошел пешком, отказавшись перед этим от двух традиционных офицерских попок: он не мог позволить себе такой роскоши в связи с отсутствием денег. Мундир ему полагался за казенный счет и поэтому не совсем хорошо сидел на нем.

Но поручик не замечал этого. Набулионе берег мундир и надевал только в исключительных случаях, ему казалось, что золотые шелковые эполеты приводят всех в восхищение точно так же, как и его самого.

Семье Коломбье поручика представил монсеньор де Тардивон, аббат Сен-Рюф, которому он передал рекомендательное письмо от брата французского губернатора Корсики Марбефа, покровительствовавшего семье Буонапарте. Мадам Грегуар дю Коломбье, владевшая довольно большим родовым поместьем своего рано умершего мужа, приветливо приняла в своем доме молодого офицера.

Ее дочери пора уже думать о женихах. Мать прелестной девицы с первого взгляда поняла, что худой, желтолицый, большеголовый подросток в мешковатом мундире артиллериста с аляповатыми золотыми эполетами не жених для Ко-

ролины.

Королина обещала стать красавицей. Миловидное лицо с нежной, прозрачной кожей, с изящным маленьким ротиком, полные свежие губы, ясные, большие темные глаза, густые черные, как смоль, волосы, рано сформировавшаяся прекрасная грудь, которой позавидует любая взрослая женщина, идеальная фигура. И приличное состояние.

Не такое, чтобы оно привлекло внимание кого-либо из знатных аристократов, но очень не малое и более чем достаточное для жизни в провинции. И хорошее воспитание, и ум, позволяющие распорядиться всем, что имеют дю Коломбье.

Выходец с далекой Корсики несомненно беден. Он, конечно же, дворянин. Но на Корсике дворянином называет себя всякий, кто имеет два десятка оливковых деревьев и свой дом из трех комнат с портретами предков. Впрочем, дело не в бедности. Еще есть время. Королина найдет себе жениха с положением и состоянием, или представительного и солидного мужчину, если он не богат.

Но юной девушке нужен опыт. Она умна. Но нужен опыт. Она сообразительна, у нее есть вкус. Но нужен опыт. Она воспитанна, она умеет говорить и вести себя соответственно ситуации и соблюдая все правила этикета. Но нужен опыт.

Этот молодой офицер, этот итальянец привлекает ее. Он несколько диковат, неловок, угловат, излишне порывист, но именно такой и нужен для первой влюбленности. В нем что-то есть. Он молчалив, но не скупен, в нем чувствуется ка-

кая-то скрытая пылкость.

Может быть, он даже пишет стихи. Правда, это было бы ужасно с его чудовищным французским... Они тайно встречаются по утрам в старом саду (Королина понимает, что мать знает об этом, но не подает вида). Чтобы успеть на это свидание, поручик встает в четыре часа утра – имение дю Коломбье находится в двух часах пути пешком от Валанса; нанять экипаж юному офицеру не по карману.

Наедине он, наверное, говорит Королине о страданиях своей измученной души, которые никому не дано понять, и о желании покинуть этот мир от неразделенных чувств. А она уверяет его, что ее несчастное сердце, в таком случае, будет разбито навеки.

Когда у кошки подрастают котята, она приносит им специально пойманного полупридушенного мышонка. Приходя в себя, мышонок пытается убежать или спрятаться в густой траве, котята тут же настигают его и, не понимая, что с ним делать, отпускают, мышонок снова бросается бежать, котята весело догоняют его – и вот он опять у них в зубах, его опять отпускают и несколькими прыжками, совсем всерьез, догоняют.

Мышонок в ужасе мечется, не зная, как спастись, а котята играют с ним – то хватая, то выпуская – под присмотром матери-кошки, лежащей рядом. Она лениво и как-будто улыбаясь и вспоминая свое собственное детство, не вмешиваясь, наблюдает за тем, что происходит: котята учатся тому, что

им необходимо для жизни.

– О, так вы были влюблены? Когда же? – оживилась Королина.

– Давно. В годы моей молодости, – ответил семнадцатилетний поручик.

«Глупышка, – снисходительно подумала Королина. – Конечно же глупышка. Будь он поумнее, на вопрос «Когда же?» от ответил бы «Сейчас». Но он не сообразил. Он ведь итальянец. А итальянцы такие несообразительные...»

– Вот как! В кого же вы были влюблены?

– В принцессу, – после долгой паузы ответил Набулионе.

– В принцессу? – удивленно и разочарованно переспросила Королина.

– Да, в принцессу.

– Как же ее имя?

– Ее имя Джикоминетта.

– Джикоминетта? Я не знаю такой принцессы. Это в Версале?

– Нет, на Корсике.

«В самом деле глупышка, – опять подумала Королина. – Конечно же глупышка. Во-первых, он должен бы сказать, что влюблен сейчас. А во-вторых, на вопрос «в кого он влюблен», ему нужно отвечать, что ни за что на свете не признается, кто владеет его сердцем».

И тогда она выпытывала бы у него, в кого же он все-таки влюблен, догадываясь, что предметом его любовных мук яв-

ляется она сама.

Она бы спрашивала, какие у его возлюбленной волосы, и он отвечал бы: «Черные, как ночь». Она бы спрашивала, какие у его возлюбленной глаза? И он бы отвечал, что у нее самые замечательные в мире глаза, большие и темные, как два омута, в которых тонет его сердце. Она бы спрашивала, какая у его возлюбленной походка? И он отвечал бы, что она ходит легко и грациозно, словно волшебница-фея.

И она спросила бы, как же зовут его возлюбленную, и он ответил бы, что ее имя начинается на букву «К». «На букву «К»? Клементина?» – спросила бы она. «Нет», – ответил бы он. «Клавдия?» – «Нет». – «Кристина?» – «Нет», – ответил бы он. – «Корнелия?» – «Нет». – «Неужели Капитолина?» – «Нет». – «Ну, тогда... Кандида?» – «Нет». – «Знаю, знаю! Ее зовут Констанция». – «Нет». – «Но Констанция такое прелестное имя. Может Корина?» – «Нет». – «Или Каринна? Корина и Каринна это ведь совершенно разные имена». – «Нет. Ни Корина и не Каринна». – «Так как же тогда ее зовут? На букву «К» больше и не припомнить имен... Клотильда?» – «Нет, нет». – «Ну тогда Каторина?» – «Похоже, очень похоже, но немножко по-другому...»

А вместо этого – какая-то принцесса... Джикоминетта... Какое странное имя... Конечно же он глупышка. Ничего не понимает. Откуда на Корсике принцесса?

2. Да, у него была любовь

*Вспоминал потом всю жизнь Джикоминетту,
как первую и, может быть, лучшую свою любовь.
Д. С. Мережковский.*

*Я потерял веру в тринадцать лет.
Наполеон.*

*Воспитанный среди монахов, я имел случай
наблюдать их пороки.
Наполеон.*

Поручика Набулионе Буонапарте всегда болезненно задевало, когда ему приходилось признаваться, что у него чего-то нет. У него не было родовитых предков – ни двенадцатого, ни даже пятнадцатого века. Определяя Набулионе в Бриеннское военное училище, его отец Карло Буонапарте сумел доказать свое дворянство только в трех поколениях.

Да и то грамоты и свидетельства, за которыми ему пришлось ездить во Флоренцию, очень походили на поддельные. Вполне возможно, кто-то из чиновников, чтобы выудить из доверчивого провинциала сколько-нибудь денег, наскоро состряпал эти документы.

У Набулионе не было состояния – он по сути дела нищий, выученный на пособие, доставленное его отцом, не постыдившимся это пособие униженно выпросить у французско-

го короля, поработившего родную, свободную, гордую, растоптанную завоевателями Корсику, и теперь ему приходится носить мундир, сшитый на деньги этого короля, и жить на выдаваемое им жалованье, ожидая производства в очередной чин и мизерной прибавки к этому жалованью, которого не хватает, чтобы сводить концы с концами.

У него нет денег ни на удовольствия, ни на развлечения, ни даже на сытный обед – только на скудный завтрак!

Был ли он влюблен? Была ли у него любовь, может ли он себе ее позволить при его жалованье и положении?

Но если у него чего-то нет, он не станет признаваться в этом и обойдется тем, что у него есть. Ему не нужны древние родовитые предки. Корсиканцы – свободный народ, а он корсиканец. У него есть дом и маленький кусочек земли, там, на родной Корсике. Нужно только освободить ее от наглых захватчиков. Ему довольно жалованья и скудного завтрака, гордость позволяет ему обходиться без всего остального и дает возможность никому не кланяться.

Была ли у него любовь? Набулионе не мог преодолеть гордость и признаться, что даже не знает, что это такое – любовь. Это роняло его в глазах Королины, точно так же, как если бы у него вдруг не оказалось денег заплатить за поданный ему в трактире «Трех голубей» завтрак, или как если бы во время смотра полка вдруг обнаружилось, что у него нет пуговицы на мундире.

Поэтому он и придумал, что когда-то любил принцессу.

Впрочем, он не придумал – Набулионе не умел выдумывать и врать. Принцесса действительно существовала. Там, давно, далеко, на Корсике, где все так прекрасно – и небо, и море, и горы.

Да, у него была любовь. Он может утверждать это. Он знает, что такое любовь.

Любовь – это когда у тебя есть твоя женщина – не мать и не сестра – и ты защищаешь ее и не позволяешь никому даже приблизиться к ней, даже взглянуть на нее. Он помнит свою первую любовь – Джикоминетту.

Джикоминетте было пять лет, а ему пять с половиной, поэтому все это действительно случилось очень давно. Джикоминетта пасла небольшое стадо коз. Полтора десятка коз – полтора десятка вместе с непослушными смешными резвыми козлятами – это все, что имела семья Джикоминетты, состоящая из самой пятилетней девочки и ее матери – гордой, молчаливой и надменной.

Предки Джикоминетты принадлежали к очень знатному роду. Джикоминетта казалась ему настоящей принцессой – белокурой, с голубыми, как небо над Корсикой, глазами. Все женщины острова Корсики (и их дочери, взрослые и совсем еще маленькие) носили коричневые и серые одежды. И только одна Джикоминетта ходила в ярко-голубом шелковом платье со шлейфом, такое платье можно сшить только из королевской мантии.

Когда она появлялась на пустыре со своими козами, На-

булионе бросал все свои дела и игры и со всех ног бежал к ней. И горе любому из мальчишек, кто оказывался в поле зрения отчаянно, до безрассудства, смелого маленького рыцаря, готового драться со всем миром ради своей прекрасной дамы, окруженной ее своенравными и часто непослушными козами.

– И вы по-прежнему любите свою принцессу? – кокетливо спросила Королина, ловко скрывая свое разочарование, оттого что место в сердце молодого офицера занято, и не исключая возможности попробовать вступить в соперничество с принцессой с острова Корсика.

– Нет, – ответил Набулионе.

– Нет? Почему же?

– Она умерла.

– Ваша Джикоминетта умерла? – искренне поразились Королина.

– Да. Она умерла.

Джикоминетта умерла в пятилетнем возрасте. Она лежала, закрыв глаза, в маленьком гробике в своем чудесном, сшитом из старой королевской мантии, ослепительно голубом платье – другого у нее не было – и как будто спала. Потом гробик закрыли крышкой и отнесли на кладбище. Отец объяснил Набулионе, что Джикоминетту забрали ангелы к себе на небо и она теперь поет вместе с ними, как поют в церкви, но только уже не в церкви, а на небе, за облаками, перед самим Богом.

Набулионе тогда еще верил, что есть Бог. Мать водила его в церковь, и он молился и знал, что когда-нибудь и он попадет на небо, как и Джикоминетта, и снова увидит ее там в голубом шелковом платье со шлейфом, окруженную уже не козами, а добрыми ангелами.

В Бога Набулионе перестал верить в Бриеннском военном училище. Это ведь был монастырь и преподавали в училище в основном монахи. Толстые, с отвратительными благостными жирными лицами, воровато прячущие глаза. Они приносили сладости и подкладывали лучшие куски ученикам, которых все называли «херувимчиками» или «нимфами», их монахи, опасливо озираясь, часто водили к себе в кельи.

Набулионе не понимал, почему старшие ученики сторонятся этих «херувимчиков», приторно миловидных, с невинно смазливymi личиками и стыдливо опущенными глазами. Набулионе тогда еще не исполнилось даже одиннадцати лет, он многого не знал и ему не было у кого спросить. Но по обрывкам разговоров и по намекам и насмешкам он начал догадываться. И все понял, когда однажды один из монахов сунул ему в руку кусок сладкого пирога и он почувствовал на своих ягодицах пальцы святого отца.

Вспышка ярости и бешенства корсиканского волчонка была так сильна, что все монахи с тех пор стали обходить его стороной. А когда один из «херувимчиков» случайно, нечаянно, задел Набулионе плечом, он набросился на него с кулаками.

В церкви, во время песнопения, видя, как монахи, благочестиво сложив руки и закатив глаза, старательно выводят мелодию псалма, он ясно, раз и навсегда понял, что Бога нет. Ибо если бы Бог был, то он не позволил бы монахам служить в церкви после того, что они делали в своих кельях с «херувимчиками». Но тогда он не помнил о Джикоминетте и не задумывался, где – если не у Бога на небе – она теперь.

3. О Вертер!

– В молодости я жил вашим Вертером.

– Неужели?

– О, поверьте моей искренности!

Из разговора Наполеона с И.В. Гете.

Ничего еще не делал, но уже готовился к чему-то, торопился куда-то, чего-то ждал, на что-то надеялся и мечтал, мечтал до иступления.

Д. С. Мережковский.

Набулионе вспомнил о Джикоминетте только сейчас, когда Королина спросила его о любви. Была ли у него любовь? Да, была. Ему не нужно стыдиться, что у него не было любви, как нет денег заказать мундир у хорошего портного и на экипаж, чтобы приехать на свидание к Королине или посетить мадам Грегуар дю Коломбье.

– Умерла... – растерянно повторила Королина, – это, наверно, так печально...

– Чтобы понять это, нужно пережить такую же утрату, – холодно сказал Набулионе.

– О да, – виновато согласилась Королина.

– *Быть непонятым – это судьба многих из нас, – вслух сказал Набулионе и мысленно продолжил: «Ах, зачем не стало подруги моей молодости! Ах, зачем я ее знал! Я сказал бы: «Безумный, ты ищешь то, чего на этом свете не найти».*

Эти строки из «Страданий молодого Вертера» всегда оказывали очень сильное воздействие на молодого корсиканца.

– Вы так много пережили, – робко сказала присмирившая Королина, – вы страдали...

– Да, моя жизнь окончена. Стоит ли жить после всего, что мне пришлось перенести? Разве возможна любовь в этом мире? *О, эта мишурная нищета, скука среди всех этих мерзких людей, которые здесь толкуются! Как смешно смотреть на их мелочное соперничество! Как они следят друг за другом, как подстерегают один другого, как стараются не допустить, чтобы кто-то из них не опередил их толпу, копошащуюся в своем ничтожестве, хотя бы на один шаг, не возвысился над их презренным скопищем, хотя бы на один дюйм! О Вертер!* – как ты прав! Нет, любить здесь, среди людей, невозможно! Любить можно только вдали от человечества! На одиноком острове, возделывая своими руками землю и добывая себе пищу. Вдвоем, в бедной хижине, как Поль и Виргиния!

– Ах, Поль и Виргиния, – воскликнула Королина, – как бы я хотела оказаться на их месте, в их хижине! Я рыдала всю ночь, когда прочла историю их несчастной любви. Моя подушка промокла от слез!

– Сен-Пьер – гений. Только он и Руссо! Когда я прочел у Сен-Пьера: «Всякий, кому пришлось много выстрадать от людей, ищет уединения», – я понял, что он гений. Только одиночество спасало меня от этого мира!

– О, как я вас понимаю, – восторженно пролепетала Королина: «Какой он все-таки необычный, этот Набулионе. Это любовь, это жестокие утраты так возвысили его чувствительную душу! Какие удары безжалостной судьбы ожидают его. О, как нужна ему поддержка и верная подруга! О, как он несчастен! Можно всем пожертвовать ради него! О, как это восхитительно!»

– *Когда я вижу границы, в которые заключен человек со всеми порывами его страстной души, – продолжал Набулионе, возвращаясь к своему любимому «Вертеру», – когда вижу, что человека заставляют жить только ради удовлетворения его потребностей, которые, в свою очередь, не имеют иной цели, кроме как только продлить его жалкое существование еще на некоторое время, еще хотя бы на одно мгновение, когда я понимаю, что ради этого низкого существования я должен заковать в цепи свой дух, я вижу, что я – всего лишь узник, заключенный в четырех стенах темницы этого презренного мира! И тогда я ухожу в самого себя и только внутри себя нахожу я целый мир, мечты и стремления! И как бы я ни был угнетен, какие бы сети ни опутывали меня, мое сердце, мое сознание жаждут сладостного чувства свободы и я понимаю, что должен навсегда покинуть эту темницу!*

– Навсегда? – ощущая легкий холодок страха переспросила Королина, вдруг осознавая, о чем говорит ее кавалер.

Но семнадцатилетний поручик артиллерии уже не слышал

ее слов.

– О, эта пустота, ужасная пустота, которую я чувствую в моей груди! Я готов разорвать себе грудь, прострелить себе мозг от мысли, что люди так мало значат друг для друга! Увы! Любовь, радость – разве это возможно? Каждый вечер я ложусь в постель с желанием и надеждой не проснуться уже никогда. Никогда! А утром открываю глаза и к своему ужасу вижу солнце и снова я несчастен! Перед моей душой падает занавес и сцены бесконечной жизни превращаются передо мной в бездну, уходят в пропасть вечно зияющей впереди могилы. Тоска давит мою грудь, отчаяние охватывает мою бедную душу. Вокруг меня небо и земля и я не вижу ничего другого, кроме раскрытой пасти невидимого чудовища, поглощающего дни и годы, пережевывающего людей и меня вместе с ними. Разве не в том судьба человека, чтобы страдать и пить свою горькую чашу? Зачем же притворяться, что эта чаша сладка? Зачем мне стыдиться своих истинных чувств, когда все мое существо колеблется между бытием и небытием, когда прошлое как молния над мрачной бездной освещает будущее, и все вокруг меня исчезает и весь мир гибнет вместе со мной? Что такое человек! Как бессилён он именно тогда, когда ему нужны силы, когда он порывается к бесконечному?! Ах, был ли до меня кто-нибудь так несчастен? О судьба! О человечество! Что делать мне в этом мире? – Набулионе отвлекся от «Вертера». – Если я все равно должен умереть, то не лучше

ли самому убить себя? Ведь я стою на пороге этой жизни и она сулит мне только бесконечную цепь несчастий и унижений. О как далек человек от природы! О как прав Руссо! Как прав Сен-Пьер! Как труслив и подл, как раболепен человек! *Нет!* – Набулионе снова вернулся к «Вертеру» – *Умереть. Умереть и прекратить это бессмысленное существование. Исчезнуть! Что это значит: умереть, исчезнуть? Умереть. Могила. Тесно и темно. Холодная земля...*

Страстный, мрачный монолог Набулионе сначала производил сильное впечатление на Королину. Но он увлекся и говорил очень долго и Королине стало скучно. Она тоже когда-то пролистывала «Страдания молодого Вертера», но роман немецкого писателя Гете, которым зачитывались сентиментальные юноши, не отозвался в душе жизнерадостной девицы.

Она только-только вступает в жизнь, она красива и носит самые модные дорогие платья и принимает целый парад кавалеров, которые должны добиваться ее руки, ей хотелось смеяться, веселиться, кокетничать и танцевать – в том числе и вальс, когда партнер, волнительно положив руку на талию, вихрем кружит тебя по залу, а ты едва успеваешь переставлять ноги в изящных туфельках на счет и – раз, два, три, и – раз, два, три.

А тут могила, тесно и темно, холодная земля...

4. Он интересен, но он глупышка

Мечтать я всегда любил.
Наполеон.

*Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, младость?*

А. С. Пушкин.

*Мечты, мечты, где ваша сладость?
Мечты ушли, осталась гадость.*

Простонародная пародия на стихи А. С. Пушкина.

Королина остановилась у старого вишневого дерева, под ветвями, изогнувшимися от тяжести крупных спелых темно-красных плодов. Набулионе, увлеченный своими словами, ушел вперед. От «Вертера» он опять вернулся к Сен-Пьеру.

– Жизнь человека подобна башне, которую венчает смерть. Смерть это великое благо, это исцеляющая ночь, следующая за призрачным днем, полным глупых миражей, тревог и бесполезного страха смерти. Смерть избавляет человека от бедности, унижений, страха, болезней, мучительных терзаний и горестных потерь.

– Господин поручик, куда же вы ушли, – с нотками раздражения окликнула Королина своего кавалера. – Я хочу вишен.

– Я ушел? Куда? – остановился Набулионе. – *Да, я только путешественник, странник на этой земле! Но разве человек может быть в этой жизни чем-то большим?* – воскликнул юный философ, поворачиваясь к своей спутнице.

– Я хочу вишен! – почти рассердилась Королина.

Набулионе подошел к красавице и, все еще продолжая монолог, сказал уже своими словами:

– Всегда одинокий среди людей, я возвращаюсь к своим мечтам лишь наедине с самим собою.

– Я хочу вишен! – капризно топнула ножкой юная красавица.

Набулионе наклонил ветку – и спелые вишни оказались прямо перед Королиной: «О Боже, неужели он так глуп! Что же, я сама должна рвать эти вишни?» Но артиллерийский поручик наконец-то догадался, что от него требуется. Он сорвал вишенку, Королина чуть вытянула шею и приоткрыла ротик и он положил темно-красную ягоду в ее чуть-чуть припухлые, маленькие, но такие зовущие губки.

Королина съела вишню, изящно нежными пальчиками выбросила косточку и повторила все сначала. Но когда Набулионе положил ей в губы вишню, она наклонилась вперед, как бы предлагая ему взять своими губами из ее губ соблазнительно темно-красный маленький плод.

Поручик ничего не понял. Он сорвал себе с ветки вишню и съел ее. Тогда Королина незаметно подтолкнула языком свою вишенку и ягода упала прямо в глубокую ложбинку, разделяющую две тугие округлости ее груди, обнаженные глубоким вырезом легкого летнего платья.

Набулионе заметил это и, рассмеявшись, протянул ей взамен другую вишню. Поняв, что кавалер не решится достать упавшую вишню, Королина сделала это сама и уже без всякого интереса съела еще несколько вишен и заторопилась в дом, где ее, наверное, давно заждались к завтраку.

– Ах, мама, – сказала она мадам Грегуар за утренним кофе, отвечая на ее вопросительный взгляд, – он совершенно глупышка.

– Он ведь очень молод, – ответила мадам Грегуар дю Коломбье, – но этот неотесанный поручик не такой, как все. В нем что-то есть. Поверь мне.

– Да, он интересен. Но он глупышка, – подвела окончательный итог Королина.

Мадам Грегуар улыбнулась, но ничего не сказала дочери. Она хорошо понимала, что поручик Набулионе Буонапарте не подходит в качестве жениха ее дочери. По воскресеньям она устраивала небольшие вечера с танцами. На эти вечера заботливая мать приглашала и Буонапарте, но он почти не умел танцевать, и выполнял фигуры конгрданса так же до смешного неловко, как и говорил по-французски, и трех лейтенантов из его же полка – де Менуара, де Фантенеля и де

Винье – они прекрасно танцевали и умели пошутить, блеснуть остроумием на безупречном французском языке. Все трое происходили из приличных семей.

На эти вечера приезжал и офицер лотарингского полка де Бресье – уже капитан, человек с определенным будущим, обстоятельный и дальновидный, владелец родового замка недалеко от Лиона.

Он не станет в пылу восторга декламировать монологи, составляя их из реплик гетевского Вертера. Ему куда интереснее виды на урожай и цены на вино, в этом году они скорее всего опять вырастут, и это существенно увеличит доходы от имений.

Для разнообразия, для более полной картины нужен и артиллерийский поручик Набулионе Буонапарте. Он несколько смешон, Королина понимает это. Но потому и понимает, что выслушивает его странные речи, тайно встречаясь с ним рано утром в старом фруктовом саду, а танцуя с ним, видит, как он путает фигуры контранса.

И, может, даже ест с ним вишни тем самым способом, о котором мать рассказала ей, когда дочь первый раз спросила ее, как она когда-то вышла замуж. Об этой игре с вишнями она слышала от бабушки Королины, а та подсмотрела, как это делала ее служанка вместе со своим ухажером из соседней деревни.

Поручик Набулионе Буонапарте нужен, чтобы Королина сама убедилась, что он «глупышка», и обратила внимание

на других и умела сделать выбор. В нем, конечно же, что-то есть, он по-своему интересен. И вполне подходит для первой влюбленности.

Ах, молодость! Подняться задолго до рассвета, прошагать четыре лье, восторженно и мрачно поведать юной красавице о том, что жизнь в семнадцать лет закончена, ибо невозможно высказать всех чувств, переполняющих его мечущуюся душу, готовую вместить все страдания мира и осчастливить все человечество – а ведь еще нужно успеть вернуться к утренней поверке своей бомбардирской роты!

Где уж тут догадаться взять своими губами из губ красавицы спелую вишню! Да, он не просто смешон, этот поручик артиллерии, в нем что-то есть. Королине полезно общаться с ним, девушка должна учиться, это ей пригодится, легкое волнение сердца, которое она испытывает, выслушивая его речи, подготовит ее к дальнейшей жизни.

5. Отчего я не осмелился броситься к ее ногам?

*Лейтенанту Буонапарте, как и позже генералу
Буонапарту, танцы не давались.
А. З. Манфред.*

Артиллерийский поручик, или младший лейтенант, как Артиллерийский поручик, или младший лейтенант, как для большей солидности поручики сами называли свой чин, вернулся в Валанс, где он снимал маленькую комнатенку у старой девы Бу, державшей небольшое кафе. Комнатка помещалась рядом с шумной бильярдной и поэтому сдавалась на несколько су дешевле.

А несколько су в бюджете Набулионе Буонапарте значили довольно много при годовом жалованьи младшего лейтенанта. Большую часть его он отсылал матери; у нее на руках после смерти отца остались четверо сыновей – не считая самого Набулионе – и три дочери.

Они, конечно же, не голодали. Семья Буонапарте жила в своем четырехэтажном, выстроенном еще в прошлом столетии каменном доме, она владела несколькими виноградниками и оливковыми рощами и могла прокормить себя – но не одеть. Особенно подраставших дочерей, само собой разумеется, бесприданниц...

Траты на одежду приводили поручика в ужас. Одни суконные брюки стоили два ливра! А простая рубашка из дешевого английского полотна – четыре су! А как матери одевать дочерей, его сестер?! Поэтому лучше снимать комнату рядом с бильярдной. Шум не мешает ему. Когда Набулионе раскрывает Руссо или Сен-Пьера, он не слышит ни стука шаров, ни криков игроков.

Поручик снял мундир и аккуратно вычистил его. Мундир он надевал только на смотры и когда отправлялся к госпоже дю Коломбье, да еще на уроки танцев, он брал их у местного профессора хореографии господина Дотейля.

Добрый танцмейстер взимал с него вдвое меньшую плату, чем с остальных посетителей танцкласса, так как считал, что страдающему задумчивостью поручику никогда не удастся освоить недоступное для него искусство ритма и изящных движений. Он, несмотря на упорные повторы, безнадежно забывал фигуры и сбивался с такта, совершенно не слышал музыки, не чувствовал партнершу, а после двух – трех оборотов в вальсе у него кружилась голова.

Такого же мнения о способностях Набулионе был и учитель танцев в Парижской военной школе. В Бриеннском военном училище, в стенах монастыря, учить танцы, к его счастью, не заставляли. Во время кадрили Набулионе еще удавалось кое-как выдержать шаг и такт. Для светской жизни артиллерийского поручика, который вряд ли продвинется в своей карьере выше капитана, этого вполне достаточно.

Вообще Набулионе слабо справлялся, когда дело доходило до того, чтобы управлять своими движениями. Он плохо ездил верхом, почти не умел плавать. А в фехтовальный зал Парижской военной школы его просто перестали пускать после того, как он сломал десяток рапир.

Зато Набулионе мог часами, без отдыха, шагать пешком. Он любил ходить по пустынным пыльным дорогам, по весенним цветущим лугам, а еще лучше – забраться повыше, на холмы, в горы, чтобы видеть перед собой горизонт. И еще он умел правильно рассчитать залп артиллерийской батареи. А это поважнее танцев.

Он освоил навыки простого канонира и командующего орудием, учебные стрельбы доставляли ему истинное удовольствие. Для этого не нужен парадный мундир, для черной работы артиллериста у него есть серая полевая форма и он чувствовал себя в ней куда лучше, чем в мундире во время занятий на плацу.

Переодевшись в полевую форму, Набулионе вспомнил свидание с Королиной Коломбье. Он рвал для нее вишни и клал их в ее миленькие губки... Нечто подобное, помнится, описано где-то у Руссо... *«О, если бы мои губы были этими вишнями!»*

Да, она прекрасная девушка... Милая и непосредственная... Да, это совсем как у Руссо... Или в «Вертере»: *«Стоит мне увидеть ее черные глаза и мне хорошо!»* Да, у нее прекрасные черные глаза. Их невозможно забыть... *«Нико-*

гда ее губы не были так прелестны: они открывались, точно желая вдохнуть в себя это чудесное утро. Когда я закрываю глаза, в моем мозгу, где объединяется сила зрения, я вижу ее черные глаза! Я чувствовал на себе ее чудный взгляд, полный выражения глубочайшего участия и нежнейшего сострадания». О да, она способна понять все, что он сказал ей, она умна, у нее тонкая, чувствительная душа, и, может, она и есть та, которая... Та, единственная...

«Отчего я не осмелился броситься к ее ногам? Почему я не кинулся с поцелуями к ней на шею?»

О, как сладки, как сладостны были те вишни! Обыкновенные вишни, разве возможно забыть их? Разве они забудут когда-либо это утро? И конечно же, нужно было броситься к ее ногам... И коснуться ее губ своими губами...

6. О ничтожных французишках и презренной Франции

Избавьте меня от этих чучел!

И. В. Гете.

– А уж до чего не любил французов! Бывало как вспомнит, так встрепенется весь, глаза так и засверкают.

– Да за что их и любить-то, французов? Знал я одного француза... Все их племя, скажу я вам – подлейший народ и есть...

Анонимная пьеса XIX века.

Вернувшись поздно вечером после учебных стрельб в пансион мадам Бу, Набулионе увидел ожидавшего его юношу в таком же мундире поручика, как и у него самого. Набулионе сразу же узнал гостя и, не сдерживаясь, бросился к нему в объятия.

– Александр! Ты! Проездом или в наш полк?!

Это был Александр Мази, итальянец, как и Набулионе. Он учился вместе с Набулионе в Королевской Парижской военной школе и теперь прибыл в Валанс для продолжения службы в местном гарнизоне, где служил и его брат Габриэль, уже капитан, покровительствовавший и Набулионе.

Александр и Набулионе засиделись за полночь, говорил

почти только Набулионе. Он жил одиноко, сторонясь офицеров, равных ему по званию. На карты и бильярд поручик не имел денег, а его интересы были далеки от того, что привлекало молодых аристократов французов.

Он не конфликтовал с окружавшими его сослуживцами, как это случалось в Бриенне да и в парижской военной школе, но и близости с ними у него не возникало. Александр Мази был первым человеком, с которым он мог позволить себе откровенный разговор за последние несколько лет.

Мази только что приехал из Парижа. Он с восторгом рассказывал о борьбе парижского парламента против короля. Король, восшествию на престол которого некогда все так радовались, с каждым днем теряет любовь парижан, потому что им руководит его австрийская жена, королева Мария Антуанетта, растратившая на роскошь двора невероятные деньги.

Государственная казна пуста. Министр финансов Неккер, единственный, кто умел ее наполнять, отставлен по капризу Марии Антуанетты. Собрание нотаблей закончилось ничем. Место угождавшего королеве Калонна получил архиепископ Бриеннский Ломени, еще один угодник Марии Антуанетты, недавно опозорившейся делом с бриллиантовым ожерельем. Она хотела заполучить эту дорогую безделушку ценой почти в миллион ливров таким образом, чтобы король не узнал об этом, а когда все открылось, свалила вину на кардинала де Рогана.

И королю, чтобы спасти подмоченную репутацию супруги, уже получившей прозвище «мадам Дефицит», пришлось упрянуть в тюрьму и кардинала де Рогана, и графиню Ламотт, поверенную королевы в этой афере. Ламотт выжгли на обоих плечах букву «V», что значит воровка, и посадили в тюрьму, но ей удалось бежать, она уже в Лондоне – и вот-вот появятся ее мемуары, разоблачающие королеву. Весь Париж требует созыва Генеральных штатов...

– Ах, Александр! Нам-то с тобою что за дело до всех этих вздорных безумств французов! Их и безумствами-то не назовешь! Пустая шелуха! Бесплезный сор! Нет в мире более ничтожного и никчемного народишка, чем эти французы! Подлое, ничтожное племя! Великий Цезарь привел из Италии свои легионы и разогнал скопище этих варваров, осмелившихся сопротивляться ему. Эти галлы навсегда остались варварами, только теперь они нацепили на себя камзолы с золотыми галунами. Бездарная, ничтожная страна, погрязшая в разврате и лжи. Короли, в жилах которых текло хоть немного итальянской крови, еще могли называть себя правителями этой страны. Что была бы Франция без королей из рода Медичи, без кардинала Мазарини, без него они давно захлебнулись бы в собственных смутах! Чем меньше итальянской крови у королей Франции, тем больше они становились посмешищем на троне. Ах, Александр! В этой стране невозможно жить! Стыдно смотреть на весь этот позор! Как я благодарен тебе и твоему брату! Мне просто повез-

ло начать службу под командованием итальянца! Мне было бы вдвое тягостно, окажись капитаном в этом полку какой-нибудь французишко. Нет в Европе страны позорнее и презреннее Франции! Франция подло предала Нидерланды, оставила союзницу, и вот Пруссия уже вводит свои войска и французский король ничего не хочет да и не может сделать. С кем он пойдет воевать? С толпою придворных лакеев, наряженных в шитые золотом мундиры генералов, ни разу в жизни не нюхавших порохового дыма? У него двадцать пять миллионов французов, он мог бы иметь армию в двести, триста тысяч, но разве трусливые французы пригодны для того, чтобы из них создать настоящую армию? Народ, предавшийся всеобщему волокитству, не может сохранить мужества. Они кричат, что победили Англию в Америке! Ложь и обман. Они никогда бы не выиграли честную войну один на один с Англией. Они воспользовались бунтом сосланных в Америку каторжников и самым низким образом нанесли удар в спину. Трусость и подлость – вот суть Франции. На Корсике это знают лучше, чем где бы то ни было. Но им не поработить Корсику. Паоли в Англии, и он вернется. О, Англия! Англичане – благородный народ, они укрыли Паоли, они дадут ему оружие и корабли! Великий остров! Великая страна! Прочти «Историю обеих Индий» Рейналя! – Набулионе взял со стола толстую книгу в кожаном переплете, поднял ее над головой и прочел по памяти: *«Никакое происшествие не было столь важно для рода человеческого вооб-*

ще и для Европейских народов особенно, как открытие Нового Света и пути в Индию через мыс Доброй Надежды. Тогда началась перемена в коммерции, в национальном могуществе, в нравах, в промышленности и в правлении всех народов. В сию-то эпоху жители отдаленнейших стран сблизились друг с другом посредством новых связей и новых потребностей, произведения стран, лежащих под экватором, начали употреблять в землях, к полюсу близких; промышленность севера перенесена на юг; изделия востока учинились предметом роскоши на западе; и люди повсюду взаимно сообщили друг другу свои мнения, законы, обычаи, болезни, врачевательства, свои добродетели и пороки. Все переменялось, и еще переменяться будет. Но из переворотов случившихся и равно из долженствующих последовать одни были ли, другие будут ли для человечества полезны? Человек получит ли больше спокойствия, счастья и удовольствия?» Тот, кто создаст флот, способный взять под контроль пути из Нового Света в Европу и из Европы в Индию, получит в свои руки власть над миром. Англия, Англия будет властвовать всем! Ибо в Англии строят корабли, а не воруют ожерелья и растаскивают казну! – Набулионе положил на стол «Историю обеих Индий», подошел к кровати и достал из-под подушки маленькую коричневую книжицу, – Сен-Пьер – гений. И вот что он пишет о Франции. – Набулионе раскрыл книгу, но прочел снова по памяти, не заглядывая в текст: «Во Франции в наше презренное время все сделалось продаж-

ным... Когда-то величие Франции в том и заключалось, что последний из ее подданных мог достичь всего. Было множество людей, прославивших свою Родину, вышедших из низших слоев дворянства. Не так теперь! Таланты, знания, храбрость, мужество и честь не ведут ни к каким отличиям. Теперь все в государстве можно купить только за деньги, чтобы потом передать ничтожным потомкам. Люди, пользующиеся близостью ко двору, не только разворовывают и продают страну. Они открывают путь трусливым бездарностям и закрывают дорогу достойным!» Так говорит француз Сен-Пьер! Я мечтал служить во флоте, на экзамене маршал де Керальо сказал обо мне: «Он будет великолепным моряком!» Но меня не приняли на морскую службу. Нет свободных мест, а чтобы купить патент, нужно платить огромные деньги, попасть во флот могут только те, у кого есть связи. И вот я должен торчать здесь, в Валансе! Но даже на проклятой суше эти жалкие французы не хотят воевать! Они трусливо уступили Пруссии Нидерланды, не сделав ни одного выстрела, пока прусская армия две недели шла к границам Голландии! А французские войска, эти ничтожные трусы, стояли на границе и могли бы выдвинуться в один день! Я должен, как и все тыловые крысы, десять лет дожидаться чина полного лейтенанта, а потом еще пятнадцать лет сидеть в гарнизонах, чтобы получить капитанский мундир и с тем выйти в отставку! О, жалкая, трусливая, подлая страна! Они не хотят воевать! Они способны только на

то, чтобы исподтишка подзуживать Турцию, натравливая ее на Россию. Я подал прошение, чтобы вступить в войска султана – Франция тайно поставляет туркам современные орудия, им нужны артиллеристы. Но трусливые французы боются открыто помогать Порте и вербовка на восток прекращена, я должен ехать волонтером за свой счет. И неизвестно, получу ли я жалованье у этих азиатов. Благодарю покорно! Я солдат и готов воевать, но будьте добры платить мне жалованье! Я подал прошение в русскую армию. Похоже, в Европе есть только один монарх, который хочет воевать, и тот – женщина! В России офицерам, вступившим в армию, сразу дают повышение в два чина! И вот я – капитан! А во время боевых действий – полковник. Турция не выдержит ударов русской армии. Гнилая турецкая империя развалится на части, русский флот будет свободно плавать по Средиземному морю. Россия поглотит Польшу и Пруссию, придвинется к французским границам. Великая императрица припомнит все те гадости, которые делали ей французские короли и их бездарные министры, управляемые королевскими шлюхами. Англия с моря, Россия с востока и с юга! Я к тому времени уже дослужусь до генерала, а может быть, даже стану командующим. Русские войска войдут в Париж! Этот самый зловонный, насквозь протухший город в мире наконец-то падет! Кто выйдет защищать эту вонючую помойку, эту грязную свалку Европы? Все это скопище парикмахеров, танцмейстеров, лакеев в их попугайских ливреях или полки

уличных и придворных шлюх? Или все эти генералы, дослужившиеся до своих чинов на паркетах версальских дворцов и разъезжающие в золоченых каретах? Разве у этого подлого сброда, у всей этой трусливой сволочи есть родина, которую они способны защитить? Нет! Парикмахерам все равно кого завивать, танцмейстерам все равно, перед кем вытанцовывать, лакеям все равно, кому прислуживать, а парижским шлюхам всех мастей все равно, перед кем задирать свои юбки. А французские генералы умеют только элегантно раскланиваться, подписывая капитуляцию. Вся эта трусливая, ничтожная сволочь позорно выйдет встречать победителей с букетами цветов, а не с пушками и ружьями. Париж падет в один день, это очевидно. И как только эта мерзкая страна перестанет существовать, Паоли вернется на Корсику! Мы освободим нашу родину. И вышвырнем трусливых французов с острова! Могучая Россия, благородная Англия, свободная Корсика!

7. К вопросу о блаженстве

Пусть так!
И. В. Гете.

*О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина...*

А. С. Пушкин.

А время гонит лошадей.
А. С. Пушкин.

Набулионе расхаживал по маленькой комнатке, возбужденно размахивая руками. Он оглянулся и увидел, что Александр Мази спит сидя у стола, положив голову на руки.

Видимо пылкость молодого корсиканца несколько утомила его итальянского соплеменника, тем более что тот был только что с дороги, и хотя от Парижа до Валанса он добирался не пешком, как пару лет тому назад это сделал легкий на ногу и на кошелек Набулионе Буонапарте, а в обычном дилижансе, но любое путешествие отнимает много сил.

Прошло время. Красавица Королина Коломбье вышла замуж за капитана лотарингского полка де Бресье и уехала в его родовой замок, недалеко от Лиона. Мадам Грегуар дю

Коломбье вскоре умерла. На смертном одре она пророчески предвещала революцию и говорила, что к власти придут люди, подобные Набулионе Буонапарте. Им нечего терять и они одержимы безумными идеями.

Так и случилось. Дочь мудрой мадам Грегуар Королина, в замужестве мадам де Бресье, лишилась своих поместий. Спустя многие годы, когда император Франции Наполеон Бонапарт проезжал через Лион в Милан на свою вторую коронацию, Королине де Бресье удалось попасть на прием к бывшему артиллерийскому поручику, некогда читавшему ей монологи, составленные из сентенций гетевского «Вертера» и трогательной повести графомана Сен-Пьера о жизни двух влюбленных, укрывшихся от людей на далеком острове.

Император был поражен тем, как изменилась Королина. Обычно с возрастом у женщин меняется фигура, а черты лица, если не сохраняют привлекательность, то по крайней мере остаются ее, привлекательности, следы.

С Королиной все произошло наоборот. Темные глаза ее угасли, окруженные сетью морщин, до безобразия огромная челюсть выдвинулась вперед и занимала, казалось, большую половину некогда симпатичного личика. А фигура осталась такой же, как у двадцатилетней девушки – стройной и изящной.

Сердце поручика не уязвило прозаическое замужество его романтической возлюбленной – император милостиво отнесся к бывшей красавице, оказавшейся в затруднительном

положении. Он назначил ее придворной дамой и причислил к свите своей матери. А ее мужу, потерявшему в годы революции свои богатые имения, дал весьма доходное место главного управляющего лесным ведомством, а позже даже пожаловал ему титул барона.

Куда более неприятно, чем замужество феи вишневого сада, Королины Коломбье, поразил Набулионе Буонапарте ответ из Военной коллегии далекой, засыпанной вечными снегами России. Тяжелым казенным языком юному поручику сообщалось, что по распоряжению императрицы, государыни Екатерины II Алексеевны, положение о двойном производстве в чинах иностранцам, поступающим в русскую службу, только что отменено и служить им отныне полагается на общих основаниях.

Уж больно много желающих иноземного происхождения торопились записаться в число непобедимых войск ее императорского величества. Возможно, если бы в Военной коллегии узнали, что проситель не просто артиллерийский поручик французской армии, а корсиканец и горячий сторонник Паоли, к которому русская императрица относилась очень благосклонно, для Набулионе Буонапарте сделали бы исключение, как это зачастую принято в России.

Но поскольку этого никто не знал, Набулионе получил еще один, теперь уже более чувствительный удар. Хотя, впрочем, судьба готовила для него удары посерьезнее – об этом я расскажу попозже.

В конце своей жизни, получив все причитающиеся ему удары – и роковые, и просто доставшиеся на его долю подзатыльники, разжалованный император славных французов и пленник презренных англичан вспоминал в своих мемуарах, что самое большое блаженство в своей наполненной взлетами и падениями жизни он испытал во фруктовом саду небольшого поместья Боссо, до революции принадлежавшего мадам Грегуар дю Коломбье, когда вместе с ее дочерью, очаровательной Королиной, они ели спелые вишни, срывая их прямо с ветвей старого вишневого дерева ранним утром, сразу после восхода солнца.

Ни юный поручик Набулионе Буонапарте, ни разжалованный император Наполеон Бонапарт так и не поняли, чего же хотела тем памятным утром под вишневым деревом Королина Коломбье, впоследствии, по мужу, Бресье и даже, по милости императора Франции, баронесса, жена главного лесничего великой Французской империи.

II. В тверской глуши

1. Ход событий и две страшные тайны

*Что может быть милей родной глуши?
Анонимный роман XIX века.*

*Любовь к родному попелищу.
А. С. Пушкин.*

*Тайна сия велика есть.
Апостол Павел.*

Однако вернемся из французской глуши Валанса, окруженного поместьями с обильными фруктовыми садами полными спелых вишен, в глушь тверскую, с ее непроходимыми дремучими лесами, где тут и там тоже найдешь поместья, большие и маленькие, с барскими усадьбами, обычно на берегу речушек или у подножия холмов, укрывающих их от студеных зимних ветров и, что самое главное, с милыми сердцу простыми и понятными названиями: Заполье, Тверское, Зубовка, Надеждино, Тафтеевка или Трилесино.

Напомню читателю произошедшие здесь события, которые кому-то могут показаться незначительными в сравнении с грядущими кровавыми разбоями и погромами в городе Па-

риже или побоищами на воде и суше, скрупулезно описываемыми усердными историками всех времен, однако мне, как автору беспристрастному, эти события так же важны, как иному историку знание точного числа застреленных и зарубленных, а также проткнутых шпагами и штыками в сражении при неприметной, ничем не знаменитой деревеньке, название ее до этого славного события никто и не знал, а после него знают уже все, кому охота читать толстенные тома исторических трудов и исследований.

Не успел Александр Нелимов обрадоваться, что Оленька Зубкова, совсем недавно героически спасенная им из рук вовремя подоспевших разбойников, уехала и не грозит уловить его в сети опаснейшего из богов – Гименя, прикидывающегося наивным простоватым юношей с гирляндами цветов, под которыми скрыты цепи супружества, как коварная красавица неожиданно вернулась.

Александр уже думал, что он ускользнул и ему не придется расплачиваться за волшебную, полную огня и нежности ночь, страстно подаренную ему Оленькой в Зубовке, и он может спокойно жениться на милой и прекрасной Поленьке, племяннице грозной Старухи, столетней княгини Тверской, и молодоженам достанутся ее несметные богатства и обширные владения. Но не тут-то было.

Оленька Зубкова дерзко явилась на помолвку и, ослепив всех красотой, нарядами, грацией и невесть откуда взявшимся богатством, тут же исчезла, недостижимая и неуловимая.

После помолвки Александр под покровом ночной темноты, так часто способствующей смелым и предприимчивым юношам, отправился в Зубовку, надеясь на свидание с так не предусмотрительно покинутой им прелестницей. Но не нашел ее. Зато узнал вторую страшную тайну.

Он подслушал разговор между братом Оленьки, Платоном Зубковым, и его отцом. Из этого разговора следовало, что старому Салтыкову, воспитателю великих князей, стало известно о романе фаворита императрицы Екатерины II Алексеевны Дмитриева-Мамонова с юной, но искушенной в сердечных баталиях фрейлиной, княжной Щербатовой, невинной сиротой с неотразимо печальным взглядом серых глаз и удивительно стройной фигурой.

Об этом романе рано или поздно узнает и императрица и неосторожный фаворит лишится своего места в монаршьей постели. Занять это место и решил – с помощью, разумеется, покровительствующего Зубковым Салтыкова – молодой, но дальновидный Платон Зубков, брат Оленьки Зубковой, которого она не очень жаловала и, можно даже сказать презирала.

О первой страшной тайне читатель, надеюсь, помнит – ее Александр Нелимов узнал от вездесущей Оленьки. Тайна эта заключалась в том, что у майора Нелимова – его Александр считал своим отцом – хранится некое отречение Анны, от которого зависит судьба российского престола. Как и почему этот документ мог бы повлиять на судьбу престола

ни Оленька, ни Александр не знали. Не знала этого и сестра Александра, Катенька Нелимова, посвященная Александром в эту тайну.

Катенька пользовалась покровительством самой императрицы Екатерины II Алексеевны, но состояла фрейлиной при малом дворе, то есть при дворе великого князя Павла Петровича. Мать не подпускала его к трону, провидчески опасаясь, что сыну, как когда-то Фаятону, не удержать вожжи державной колесницы.

Но сам законный наследник престола придерживался другого мнения и давно уже намеревался взять эти вожжи в свои мужские руки из рук женских, коим более подходят разного рода утонченные рукоделия, а не заботы державного кучера.

Так же считала и Катенька Нелимова, делившая с великим князем не ложе любви, как это часто простодушно делают юные скромницы, а размышления о правильном управлении государством российским, страдающим от слабости женского сердца и прихотей фаворитов, в первую очередь чудовищного одноглазого Циклопа, светлейшего князя Потемкина-Таврического, называемого князем тьмы за то, что он разорял несчастную страну своими неистовыми безумствами и вверг ее в пучину очередной войны с Оттоманской Портой, у нее он отнял никому не нужный Крымский полуостров и вознамерился отнять Стамбул – бывший Константинополь.

Влюбленная в родного брата и пока еще удерживаясь от

своей греховной любви, Катенька Нелимова ускорила его помолвку с Поленькой, опасаясь, чтобы Александр по неопытности и юношеской наивности не попал в когти – или коготки – коварной Оленьки Зубковой, и умчалась в столицу.

Она надеялась разузнать, в чем же сила таинственного отречения Анны, хранившегося у майора Нелимова, когда-то замешанного в попытке свержения с престола императрицы Екатерины II Алексеевны, занявшей этот престол вместо своего малолетнего сына, уже давно выросшего и намеревавшегося вернуть себе трон своих прямых предков – отца, императора Петра III Федоровича, на этом троне не усидевшего, и прадеда – царя и императора Петра I Алексеевича, ему все потомки и были обязаны своими правами и доставшимся им нелегким наследством.

Вернувшись домой после несостоявшегося свидания с Оленькой Зубковой, Александр обнаружил, что майор Нелимов убит. Отречение Анны – оно должно было храниться в кабинете отца – исчезло. А убит майор Нелимов точным ударом в сердце необычным кинжалом с лезвием в виде извивающейся змеи и рукоятью, украшенной змеиной головой с изумрудными глазами и раскрытой пастью. Александр, в отличие от внимательного читателя первых книг моего сочинения, не знал, что именно таким кинжалом убивают масоны. Убивают тех, кому мстят за предательство.

То, что произошло, потрясло Александра. Но он сохранил спокойствие и силу духа. Нужно было действовать. Но

что делать Александр не знал – слишком много неизвестных оказалось в задаче, которую ему предстояло решать. И тогда он вспомнил о Зайцеве. Этот человек мог знать все тайные дела майора Нелимова.

2. Друзья далекой молодости

*Однажды Диоген попросил кого-то позаботиться о его жилище, но тот замешкался и Диоген устроил себе жилье в глиняной бочке.
Диоген Лаэртский.*

Будущий майор Нелимов и Зайцев родились в семьях соседей, владевших одной деревенькой всего в три десятка душ. Отцы Нелимова и Зайцева, оба вдовцы, давно уже не знали, кому из них какая часть этой деревеньки принадлежит. Отец Зайцева кое-как ведал хозяйством, а отец Нелимова большей частью находился в имении князя Шумского, с ним он когда-то вместе воевал.

Андрюша Нелимов и Петенька Зайцев росли вместе почти без всякого присмотра, верховодили ватагой деревенских ребятишек, питаясь почти тем, что им самим удавалось добыть в лесу, на реке и на подворьях зазевавшихся крестьян. Чего только они не вытворяли, чтобы поплотнее набить детский желудок, подобный бочке Данаид. Но когда умер отец Андрея Нелимова, князь Шумский забрал сына своего боевого товарища к себе в имение, где он и воспитывался с сыном князя. Возмужав, юноши считали себя названными братьями.

Петра Зайцева Андрей Нелимов встретил уже в годы службы. Он хотел привлечь друга детства к тем делам, кото-

рые они затевали с молодым князем Шумским. Но Зайцев к тому времени уже попал в плен к Сократу и Диогену, Аристиппу и Аристотелю и вызволить его из этого плена никому не удалось.

Вопрос о том, догонит ли Ахиллес черепаху, так сильно занял бедного поручика, что ни погоня за чинами и званиями, ни заманчивый шелест золотого дождя, убаюкивающий надеждами, ни лязг шпаг, ни звон бокалов, ни взгляды неотразимых красавиц, ни лабиринты дворцовых интриг не смогли отвлечь его от размышлений на эту тему.

Тем более что явились и другие, ничуть не менее важные вопросы о возможности дважды войти в одну и ту же реку, о том, лжет или говорит правду критянин, сказавший как-то в сердцах, что все критяне – лжецы, и о немом ответе Диогена, упорно расхаживавшем перед Зеноном, только что самым убедительнейшим образом неоспоримо доказывавшем, что ничто в этом мире не движется, как бы мы не заблуждались на этот счет, полагаясь на обман зрения и забывая о доводах всесильного разума.

Майор Нелимов пошел своей дорогой, его друг детства, поручик Зайцев – своей. Не чуждый философских размышлений, майор Нелимов тем не менее поверил в движение и недвижимо стал на точку зрения Диогена – он собирался дослужиться до маршальского звания, готов был рассыпать вокруг себя золотые монеты (а они падали на мостовую как и требовалось, звеня и подпрыгивая), неодолимо ору-

довал шпагой, поднимал бокалы с пенящимся французским вином, падал на колени перед красавицами и умолял их таким трогательно-отчаянным голосом, что ни одна из них не решилась отказать ему, и вместе с князем Шумским намеревался более правильно, чем они второпях устроились сами, рассадить по престолом монархов в России и сопредельных с нею странах.

Поручик Зайцев не мог найти никаких доказательств движения в этом мире. По его мнению упорная бессмысленная ходьба скандально-строптивного Диогена на виду у мудрого Зенона ровным счетом ничего не значила.

Сотни лет, изо дня в день, когда померкнут звезды и вспыхнут огнем облака и за клубится белый туман, повисая ключьями на кустах лозняка, и ветерок чуть сморщит зеркало тихих вод и совсем не рассмотреть в траве росистую тропинку, покинув за неведомыми морями свой ночлег, поднимается солнце, и ходит целый день перед всеми мудрецами и философами и на виду у мирных пахарей, которые уже с утра за сохой, и перед давно уже пробудившимися рыбаками, привычно тянущими свои сети в надежде на улов, и перед девицами, вроде Оленьки Зубковой, мечтательно забывшими сон и вздыхающими в аллеях старого парка и робко надеющимися, что сегодня, под старой липою, как только это золотое солнце уступит место на небосводе бледно-голубой луне...

Одним словом, каждый день пред нами солнце ходит, ни-

чего тем самым не доказывая, ибо и упрямый Галилей, и рассчитавший пути небесных сфер Коперник подтвердили мысль о неподвижности великого светила, высказанную еще великим Аристархом с острова Самоса, знаменитого отсутствием вин, и славного своими ремесленниками, возможно по причине их же, то есть вин, отсутствия.

Майор Нелимов не доверял расчетам Коперника и Галилея, он не жаловал ни поляков, ни итальянцев и даже школу фехтования предпочитал французскую (как и их же шипучее вино), а не устаревшую итальянскую. Что же касается мнения Аристарха с острова Самоса (родины, кстати сказать, самого Пифагора), то и к нему майор Нелимов относился совершенно равнодушно по причине незнания греческого языка.

Петр Зайцев же посвящал изучению божественной речи эллинов все свое время и слово «демиург» – им греки называли и творца вселенной, и гончара, исправно месившего глину и лепившего свои горшки, чтобы афинской черни было в чем варить себе пищу, завораживало не стремившегося за чинами поручика и занимало его не меньше, чем вопрос о неподвижности выпущенной из лука стрелы, замирающей под строгим взглядом Зенона.

Разное отношение к жизни майора Нелимова и поручика Зайцева получило даже формулировку в виде афоризма. «Жизнь нужно прожить так, чтобы было что вспомнить и рассказать детям и внукам», – говорил майор Нелимов в мо-

лодости. В зрелые годы уже не возвращаясь к этому вопросу.

«Жизнь нужно прожить», – кратко формулировал свое кредо Зайцев, придерживаясь этого простого, но неожиданного вывода из философии древних греков как в молодые годы, полные неясных надежд, так и в следующие за ними годы многообещающей зрелости и лишённые всяких призрачных иллюзий и обманов годы старости.

Разность взглядов на жизнь, подтверждаемая неумолимыми действиями майора и неторопливыми, но неизменными поручика, составила некое противоборство, которое, по мнению безутешного Гераклита, и движет гармонией мира, поддерживая равновесие вселенной, то разгорающейся вечным огнем, то слегка угасающей, чтобы возгореться снова.

Разность эта не помешала друзьям, соблюдая свои несогласия, сохранить верность детской дружбе, она ведь, в отличие от детской любви, не исчезает после опытов быстротекущей жизни.

Когда самое рискованное предприятие майора Нелимова, затеянное вместе с князем Шумским, – они решились свергнуть с престола засидевшуюся на нем императрицу Екатерину II Алексеевну – провалилось, ему пришлось укрыться в тверской глуши. Поручик Зайцев, не удерживавший друга в его стремлениях и деяниях и не препятствовавший им, но сам в них не принимавший никакого участия, вышел в это время в отставку, так как изучение «Обряда службы», изложенного на бумаге косноязычным, но зато громогласным пе-

ред солдатскими шеренгами фельдмаршалом Румянцевым, и тем более сего «Обряда» исполнение все больше препятствовало размышлениям о быстроногом Ахиллесе и неугасающем огне Гераклита.

3. Источники мыслей и мысли, отвлекающие от суеты

– И что же он делает?

– Да все размышляет.

– Об чем?

– Да мало ли об чем. Он человек ученый, он об чем хочешь может размышлять.

Анонимная пьеса XIX века.

Оставив строгую в своей простоте воинскую службу, Зайцев обнаружил, что деревенька, в которой в недолгие годы золотого века, именуемого детством, они вместе со смелым и изобретательным Андрюшкой Нелимовым ловили безо всяких приспособлений рыбу в тихой речушке и воровали кур из крестьянских сараев, исчезла, растащенная по частям расчетливыми соседями, не поскупившимися на мзду судейским писакам с чернильными душами.

Вот тогда-то Нелимов, зная наклонность друга к размышлениям о сути истины и его нелюбовь к выяснению истины в судах, продал ему, а скорее, подарил под видом продажи одну из своих деревенок недалеко от Заполья.

Заполье с тех пор пришло в полный упадок. А деревенька Зайцева – Каменка – не то чтобы процветала, но умножилась числом душ, учитываемых по ревизским сказкам, с одной сотни до двух сотен с половиной, а внешним видом

производила весьма приятное впечатление.

Нельзя сказать, что поклонник Платона и Аристотеля стал заботливым хозяином. Но и на произвол судьбы и приказчиков он тоже не полагался, за мужиками все-таки присматривал сам, раз в два года меняя старосту, привыкавшего к своему положению и начинавшего обворовывать барина больше меры, предусмотренной не бездонной российской природой и до поры только терпимой русским обычаем, ограничивающим безграничную жадность дорвавшегося до возможности воровать человека диким бунтом, не знающим ни смысла, ни пощады.

Сам барин жил в просторном доме, не похожем на барскую усадьбу. Обычно барское жилье украшали три колонны на древнегреческий манер и крашенные, штукатуренные снаружи стены. Дом Зайцева был срублен в нехитрый русский угол из смолистой сосны, не скрываемой штукатуркой ни снаружи, ни изнутри. Состоял он из нескольких комнат, необходимых в простоте деревенской жизни.

Единственной особенностью его был большой полуочаг, полукамин, живописно выложенный диким камнем. Отставной поручик любил смотреть на живой огонь, на пляшущие языки пламени, на красные неугасающие угли от дубовых дров, слушать треск сахарной березы и завывание ветра зимой в каминной трубе, перекликающееся со звериным воем снежных вихрей, метелей и бурь, темною мглою заволакивающих полнеба, пугающих всхлипами, подобными детскому

плачу, то и дело ударяющих комьями снега в окошко или, утихая, шуршащих по старой, обветшалой кровле.

Живой огонь, пылающий за невысокой чугунной оградкой, да живая текущая вода, плавная и спокойная там, где берега пошире, торопливо журчащая там, где они, берега, ее, воду, узко стесняют (к ним можно прибавить разве что заброшенный уголок старого парка, чуждый внимательной и правильной руке садовника, где молодая поросль вместе с вьющейся травой одолевают стволы старых деревьев, покрытых растресканною корою, с ветвями, поломанными ветром, в которых приютилось покинутое гнездышко трясогузки, певшей когда-то здесь свое, только одной ей понятное «пень-пень, пень-пень» – поди узнай, то ли это песня любви, то ли крик радости от восторга жизни) – вот те земные родники, которые вместе со звездами небесными в недостижимой высоте есть единственные источники наших мыслей, удаляющих нас от пустой, бессмысленной суеты, ошибочно принимаемой нами за жизнь.

В отроческие годы Александр Нелимов много времени проводил у Петра Петровича Зайцева. Сначала нехотя, а потом все с большим интересом он разбирал диковинные древнегреческие письмена, похожие на русские, как черты лица старика в тесном гробу на лик юноши-внука, склонившегося для последнего поцелуя. Потом, захваченный восторгом гомеровских гекзаметров, Александр перешел к нехитрым, казалось бы, вопросам, простодушно и недоуменно задавае-

мых Сократом, и чуть не оказался в плену у Диогена, Аристиппа и Аристотеля, когда-то навсегда полонивших самого Петра Петровича Зайцева.

Однако совсем не сократовский, а неотступно волновавший его деревенских приятелей-сверстников вопрос «Одинаково ли устроены мужчина и женщина, а если не одинаково, то в чем же разница?» отвлек Александра в сторону от не всегда очевидных философских истин.

Ну а потом безотказная проводница в царство плотских утех Анастасия, и смуглая, безудержная, ненасытная Ани-сья, и приезжая из города Твери жена губернского чиновника, и всезнающая княгиня Ксения Павловна Свирская, и восторженная Элиза, молодая тетенька ближайшего друга Александра, барона Дельвига, а потом и смелая и предприимчивая Оленька Зубкова вместе с десятком босоногих деревенских нимф полей и лугов не дали поднаторевшему на афинском базаре болтуну Сократу, нечесанному Диогену с его фонарем и бочкой, Аристиппу, не чуждавшемуся утех с гетерами, и занудно-необъятному Аристотелю окончательно пленить любомудрием юношу, вступающего в жизнь.

Не стану повторять рассказ о том, что и как они – не философы, а быстроглазые девицы и опытные девы – предприняли; дабы не терять нить повествования, перечти, мой склонный к последовательности и ясности читатель, первую книгу моего обширного сочинения, и ты еще раз получишь удовольствие сопутствовать юноше, смело и без робости пости-

гающему тайны жизни, вместо того чтобы отгораживаться от нее, этой жизни, измышлениями любомудров, пусть себе даже и древнегреческих.

Когда Александр волей случая узнал о том, что у его отца хранится таинственное отречение Анны, и от этого документа зависит судьба трона Российской империи, он почувствовал себя участником увлекательной игры. Он понимал, что игра опасна. Но по-настоящему осознал это, только увидев отца, убитого ударом диковинного кинжала с рукоятью, увенчанной головой змеи с глазами-изумрудами и со злобно оскалившейся пастью.

Александр догадывался, что в жизни отца есть какая-то тайна. И вот эта тайна приоткрылась. Сначала Оленька подслушала разговор об отречении Анны. Потом явился незнакомец и убил отца ударом кинжала. А отречение Анны исчезло... Скорее всего, оно попало в руки убийцы. За этим отречением он и приходил... Попытаться догнать его? Но он, наверное, был не один... Конечно же его ожидали сообщники с лошадьми... И даже неизвестно куда они направились... Как быть? Что делать?

И, осмыслив, что произошло, Александр решил, что за советом он может обратиться только к поручику Зайцеву. Он никаким образом не принимал участия в делах майора Нелимова, но, безусловно, знал о них все или почти все.

4. Вот в чем суть отречения Анны

Это был бесспорно всесловный земский собор с участием посадских и сельских обывателей. Первый вопрос, поставленный на соборе, выбирать ли царя из иноземных королевских домов решили отрицательно, приговорили: ни польского, ни шведского королевича, ни иных немецких вер и ни из каких неправославных государств на Московское государство не выбирать. Но выбрать и своего природного русского государя было нелегко. Единомыслия не оказалось.

В. О. Ключевский.

Александр приехал к Зайцеву и подробно поведал ему обо всем, что случилось, не скрывая ничего, и не переиначивая, как это ему пришлось делать, рассказывая об отречении Анны Катеньке Нелимовой, чтобы отвести от себя подозрение в отношениях с Оленькой Зубковой, ее Катенька ненавидела с детства именно за то, что та пыталась завладеть Александром, принадлежавшем только Катеньке и никому другому (или с разрешения Катеньки – Поленьке, племяннице и наследнице Старухи, княгини Тверской).

– Кинжал, лезвие в виде извивающейся змеи... Глаза-изумруды... Оскалившаяся пасть... – задумчиво повторил отставной поручик Зайцев, выслушав рассказ Александра.

Он ничуть не удивился и, казалось, даже не посочув-

ствовал, услышав об убийстве своего друга детства, майора Нелимова. Во-первых, сказала выдержка последователя стоических философов, в первую очередь Зенона, не того, который смущал мир своими апориями, а другого, Зенона из города Китиона, учившего терпеливо и безропотно переносить все беды и напасти.

А во-вторых, Зайцев очень хорошо, до мельчайших подробностей, был осведомлен о тайных и явных делах и интригах своего друга и философски предрекал ему именно такую смерть. Он сочувствовал майору, но, согласно учению философа Анаксарха, ныне малоизвестного, а в древности не менее знаменитого, чем оба Зенона, следовал принципу невмешательства, бездействия и безразличия, так хорошо усвоенного его учеником Пирроном.

– Да, лезвие в виде змеи. Глаза – изумруды, – подтвердил Александр, он хорошо знал Зайцева и не удивился его спокойствию.

– Это масоны, – сказал Зайцев.

– Масоны?

– Да. Такими кинжалами они убивают предателей...

– Мой отец – предатель?

– По мнению масонов – да.

– Кого же и кому он предал?

– Предал доверившихся ему масонов. А кому... Себе и князю Шумскому.

– Кто такой князь Шумский?

Этот вопрос заставил Зайцева надолго задуматься. «Сказать ему, что князь Шумский его отец? Имею ли я право на это? И вообще до каких границ я могу рассказывать юноше правду? При жизни Андрея Нелимова эти границы определял он сам. Теперь, когда он убит, границы эти исчезли. Если я скажу, что ничего не знаю, я солгу. И эта ложь, быть может, оставит Александра безоружным перед врагами. С моих слов, или сам он рано или поздно узнает, кто убил майора Нелимова. Продолжит ли он его дело? Или останется жить в Заполье? А может, с племянницей княгини Тверской он обретет счастье и, как я, будет смотреть по вечерам на огонь в камине? Это его выбор. И я не должен вмешиваться. Он ведь не спрашивает меня, кто его отец. Он спрашивает, кто такой князь Шумский...»

– Князь Шумский – друг майора Нелимова. Их вместе воспитывали в поместье Шумских. Отец Андрея был воинским товарищем старшего князя. Поэтому после его смерти старый князь Шумский забрал к себе сына своего верного соратника. Андрей и молодой князь Шумский называли себя побратимами.

– А потом?

– Потом князя Шумского убили.

– На войне?

– Нет.

– Масоны?

– Нет.

– Кто же?

– Люди, которые спасли императрицу Екатерину II от переворота, подготовленного князем Шумским и твоим отцом.

– Я догадывался, что отец участвовал в заговоре! Это связано с отречением Анны?

– Да. Твой отец добыл это отречение. Вместе с поручиком Корнеевым, тем самым, которого он убил на поединке два года назад у вас в саду – об этом поединке и рассказывала тебе Зубкова.

– Кто такая эта Анна? И почему от ее отречения зависит судьба российского престола?

– Анна – старшая дочь царя и императора Петра Великого. Умирая, он позвал ее и сказал придворным: «Отдайте все...» – и умер, не договорив и не подписав никакого завещания. Меншиков боялся, что на престол взойдет Анна Петровна – она старшая дочь царя. И спровадил ее вместе с мужем, герцогом гольштинским, в Гольштению. Выходя замуж, Анна Петровна подписала отречение от прав на русский престол за себя и за свое потомство.

– Ах вот оно как все... Теперь понятно...

– Да. Когда тронем все же завладела вторая дочь царя Петра, будущая императрица Елизавета, она, не имея наследника, привезла в Россию сына умершей уже к тому времени Анны Петровны.

– Петра Ульриха.

– Ставшего потом императором Петром III Федоровичем.

– Не имея на то законных прав, исходя из отречения своей матери, – подхватил Александр.

– Да.

– Как нет их и у императрицы Екатерины II, правящей от имени своего сына Павла. А Павел... Сын Петра III... И, следовательно, тоже не имеет прав на престол...

– Согласно отречению Анны.

– Значит, в России нет законного престолонаследника.

– Нет.

– Но как же тогда... Страна не может быть без царя.

– Князь Шумский считал, что нужно, как во времена оны, созвать Земский собор и избрать царя. И если бы заговор удался, князь Шумский мог бы стать царем.

– Его избрали бы собором?

– Думаю, что да. Шумские – один из самых знатных родов в России. Прямые потомки Рюрика, не чета Романовым. Да и в петровскую смуту они ничем себя не запятнали. Князя Шумского уважали все старые родовитые вельможи. И русские дворяне последних времен, все те, кто не онемечился и не выбился ко двору из торговцев пирогами.

5. О Фридрихах и Карлах, трущихся у русского трона

Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, забирались во все доходные места в управлении. Вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа.

В. О. Ключевский.

На престоле надобно лицо, которое обошлось бы без немцев.

В. О. Ключевский.

– И отец был вместе с князем Шумским? – продолжал расспрашивать Александр.

– Князь Шумский и майор Нелимов хотели освободить Россию от немцев. И от проходимцев, пролезших к власти в петровские времена и обворовавших державу при взбалмошном царе-императоре и растащивших все, что можно вывезти в Париж и Амстердам при его наследниках, пока императрица Екатерина II не забрала все в свои руки.

– Но она сама...

– Тратит деньги на фаворитов? Тратит. Но все остается в России.

– Она незаконно занимает трон...

– Незаконно. Но власть держит крепко. Князь Шумский и майор Нелимов понимали, что им одним ее не одолеть. И потому объединились с немцами.

– С немцами?

– С немецкой партией. Как ни старалась очистить Россию от немцев императрица Елизавета, дочь того самого царя Петра, который немцев этих впустил в Россию и посадил на шею русским, правят Россией немцы. Их в тысячи раз меньше, чем русских, но куда ни глянь, везде за столом сидит немец, везде он при должности, везде командует, да еще и помыкает нерасторопным русским человеком на его же земле. А высшая знать? Потомки русских князей да бояр – кто обеднел, а кто сидит в глуши в своих старинных, богом забытых вотчинах. И при дворе, около трона трутся Фридрихи и Карлы, Циммерманы и Штакельберги, Минихи, Бироны, Палены, Шредеры, Эссены, Функи, Цегелины, Тотты, Рененкампфы, Сиверсы, Штамбки, Тизенгаузенy, Сольмсы, Пенклеры, Зигены, Нолькены, Миллеры и Мюллеры, Михельсоны, Асебурги, Бильфельды, Люнебургy, Брокдорфы, Крайзены, Блумены, Корфы, Будберги, Штольцы, Броуны, Келлеры, Игельстремы, Зальцы, Буссы, Вагнеры, Гергарты, Герцы, Девиеры, Вейсман-фон-Вейсенштейны, Дерфельды и Кайзерлинги...

– Но отец... И князь Шумский... – перебил Зайцева Александр, первый раз в жизни услышавший такое обилие немецких фамилий, не ласкавших слух. Когда дело доходило до

немцев, отставной поручик Зайцев, до уединения в своей философической Каменке много проживший на белом свете и немало повидавший на своем веку, забывал о принципах безразличия, которых советовал придерживаться великий, но не чтимый в веках Анаксарх.

Зайцев ведь был простым русским человеком и немцев, отиравшихся у российского трона, и не только у трона, а везде, где только можно прилепиться к чему-нибудь или занять теплое местечко вдали от родного фатерлянда, мог перечислять очень долго.

– Князь Шумский и майор Нелимов не жаловали немцев, хочешь ты сказать?

– Отец... Не любил немцев...

– Не любил. Да кто ж их любит? Кто любит чужака, приютившегося в твоём доме да ещё поучающего тебя, как жить? Не любил... А Гофмана любил?

– Карла Ивановича? – удивился неожиданному вопросу Александр.

Карл Иванович Гофман жил при майоре Нелимове на положении члена семьи и был не только уважаем за добрый характер, знания и умения, да и за преклонные лета, но и искренне любим всеми Нелимовыми, включая жену майора, к концу жизни возненавидевшую и мужа, и живых детей, да и весь свет. Карл Иванович обучал Александра европейским языкам, музыке, математике и физике, русскому стихосложению, танцам и вместе с майором Нелимовым – фехтова-

нию.

– Русские не жалуют, не любят немцев. Но у каждого русского есть свой немец, для которого делается исключение. Но это я философствую. Это, брат, такая апория. – Разлюбят ли когда-либо русские ненавистных немцев, сидящих у них на шее, при условии, что у каждого русского есть свой любимый немец, для которого он делает исключение? Длинно сформулировано. Надо бы покороче. Ну да как-нибудь потом, хватит о немцах. Ведь куда им, бедным, деваться? В родном фатерлянде их давно уже не ждут, да и места нет, тесновато там у них. А если и отыщется местечко, так нелегко устроиться, особенно после жизни в России. А что касается Карла Ивановича, так он действительно прекрасный человек. А как играл на клавесине! Одно слово – композитор. Карл Иванович, он русский больше всякого русского. Потому что любил Россию. Русские ведь ее не любят. Любят только когда придется пожить подальше от нее, в какой-нибудь неметчине. А Карл Иванович любил Россию. Бывало, заговоришь с ним о России, так он весь вдруг наполнится таким восторгом, что, глядя на него, и сам иной раз подумаешь, Бог ты мой, как хороша, как чудесна наша матушка-Россия! Но оставим немцев в покое, а то о них можно говорить без конца. Немецкая партия при дворе была тогда самая сильная. И только о том и мечтала, как бы скovyрнуть с престола императрицу-немку. Ведь она, императрица, немцев-то не ласкала...

– А почему? Она ведь немка. Екатерина II ведь даже родилась не в России.

– Немка. Только на престол ее возвели русские. И престол этот в России. А немцы хотели посадить на трон малолетнего Павла. А правил бы при нем Панин, а не матушка Павла. Только немцы, то есть Панин, прозевали. В самый последний момент Орловы подсадили расторопную Катерину, вот она и на престоле. Не регентша, не мать наследника, а императрица и самодержавная государыня. А немцы в дураках. Потому они ее и невзлюбили. А силу имели, и все при троне, пока Потемкин тихой сапой не отодвинул их подальше.

– Но Потемкин разворовал Россию. Государственная казна для него, что собственный карман.

– Потемкину нет нужды воровать. Он из казны открыто берет. Ведь не для себя. Деньги в Амстердамских банках, как Меншиков и петровские пособники, не держит. Потемкин – широкая душа. Им с Екатериной Россию в Париж или в Лондон не вывезти. Они ее здесь прогуляют, пустят фейерверком, чтобы и самим веселее и потомкам на удивление. А скудоумным педантичным немцам при них ничего не достанется. А тогда немцы еще все держали в своих руках. Вот поэтому князю Шумскому и пришлось пойти на союз с Паниным. И русская партия, и немецкая в первую очередь хотели отнять власть у Екатерины. А уж потом... Немцы потом хотели посадить на престол великого князя Павла Петровича. Завести парламент и масонскую конституцию. Ведь Па-

нин – главный масон шведских лож. И великого князя Павла Петровича он вписал в масонскую ложу, пообещал, что масоны вернут ему перехваченный матушкой трон. Ну а русская партия князя Шумского, после устранения Екатерины, думала низложить и великого князя Павла Петровича – согласно отречению Анны. И на Земском Соборе избрать русского царя. Потому как к тому времени майор Нелимов уже добыл у масонов эту бумагу – отречение Анны.

6. Приговоренные властители

Рыцарские масонские ордена тамплиеров и розенкрейцеров ставят своей целью уже практическую борьбу с монархией и религией. Русские масоны были слепым послушным орудием в руках европейских масонов высоких степеней.

Б. Башилов.

Масонство проникло в Россию очень скоро после того, как оно оформилось на Западе. Первое правильное учреждение масонских лож в Англии относится к 1717 году.

Г. В. Вернадский.

– У масонов? У Панина? – спросил Александр.

– Нет. Панин об отречении Анны ничего не знал.

– Как же так? Ведь он – главный масон. Это я и от отца слышал.

– Панину подчинялись масоны шведских лож. А есть еще елагинские, те больше русские. Есть и шотландские. Те сами по себе, не подчиняются ни Панину, ни Елагину. Есть и французские.

– У кого же отец добыл отречение Анны?

– Масоны лож – и шведских, и шотландских, и елагинских, конечно, имеют большую силу... Здесь, в России. У них есть и деньги и связи. Но все они подчинены масонам

настоящим и служат для их прикрытия.

– Какие же масоны настоящие?

– Те, которые невидимы. У них вся сила. Они правят миром. Когда они собираются и обсуждают свои дела, то не каждого короля пустят даже просто постоять у них в прихожей.

– И где заседают эти масоны?

– Этого никто не знает. Скорее всего, в Амстердаме.

– Почему в Амстердаме?

– В Амстердаме они когда-то прятали золото, остатки того, что отнял у тамплиеров французский король Филипп Красивый, приговоренный за это ими к смерти.

– Приговоренный тамплиерами? Или масонами?

– Сначала были тамплиеры. Масоны появились потом, когда Филипп Красивый раздавил тамплиеров. Тамплиеры – орден рыцарей храмовников. Орден был тогда много. Храмовники, госпитальеры, меченосцы, тевтоны. Но храмовники – тамплиеры стали сильнее и могущественнее всех. И богаче. Короли Испании и Англии ходили у них в должниках. А Филипп Красивый хранил у тамплиеров свою казну, боясь восстания парижской черни. Он собирался вступить в орден и стать его магистром. Но тамплиерам не нужен король, который властвовал бы над ними, они уже сами властвовали над королями. Филипп Красивый тоже не хотел подчиняться тамплиерам, обосновавшимся у него под боком, в Париже, где он считал себя хозяином. Филипп арестовал

главарей ордена, а великого магистра Моле сжег на костре как еретика. Казну ордена забрал себе. Он приказал казнить всех тамплиеров – их казнили несколько сотен, а развелось их к тому времени десятки тысяч. Те, кому удалось скрыться и выжить, и стали масонами. Они исполнили проклятие великого магистра – он приговорил к смерти Филиппа Красивого и весь род французских королей.

– Весь род? Всю династию?

– Весь королевский род. То есть все династии. И не только французских королей, а всех, кто правит не подчиняясь масонам.

– И русских?

– О русских тогда в Европе не знали. А если и слышали, что такие есть, то не принимали во внимание, как китайцев, которые где-то существуют, но значения не имеют. Только китайцы далеко, неведомо где. А русские рядом. Их можно использовать как военную силу в случае необходимости. Поэтому масоны и попытались прибрать Россию к рукам. Начало этих дел пошло еще со смуты в цари пролезшего Бориски. Царя Бориса Годунова. Если ему можно на трон, через сестру, выданную замуж за наследника престола, то почему нельзя другим. Тем же Романовым. Сначала они подсунули Гришку Отрепьева. А потом за ним – и сами. А при Романовых завелись и заезжие масоны. Первым их пособником был боярин Матвеев. Он и придумал заменить царицу. Извел Милославскую, нашел бойкую девицу Нарышкину и подвел

под венец с царем. Тишайший царь, Алексей Михайлович, хотя и охоч был до женского пола, но родить нужного Матвееву наследника ему оказалось не под силу. Помог случай – бес вселился в патриарха Никона – он и в государи вознесся, и царскую молодую жену наградил потомством.

– Царь Петр – сын патриарха Никона?

– Так говорят все, кто знал дела тех лет. Уж больно не в романовскую породу удался наследник – и лицом мордвин, как Никон, и бес в нем буйствовал, как в Никоне. Только Никон беса пытался усмирить, в монастыре сидя. А царь Петр всю Россию на дыбы, да и на дыбу, поднял. Вот при нем и явились масоны. Матвеева стрельцы на копья сбросили с Красного крыльца. Зато приехали Гордон, а потом и Лефорту. Но с первого раза прибрать к рукам Россию не получилось. Лефорту Бог много лет жизни не дал. А царь Петр так накуролесил, что и масоны с толку сбились – еще при нем самом, а при его наследниках и подавно, черт ноги переломит, не то что его младшие собратья-масоны.

– А Екатерина II?

– Екатерина, она-то и немка только наполовину.

– Она дочь Бецкого?

– Наверное. Вся наружность в отца... На трон ее возвели Орловы, да и сама она постаралась, пока Панины ротозействовали. Но все во многом получилось благодаря Фридриху II.

– Прусскому королю?

– Он руку приложил, чтобы иметь своего ставленника на русском троне – Петра Ульриха или Екатерину, только Екатерина обошла Фридриха, как и Паниных, и сама забрала все в свои руки. Фридрих II – масон, мастер ложи. Уж его-то в прихожую, когда заседает мировое масонское правительство в Амстердаме, конечно же пускали. Но только в прихожую, никак не дальше. А вот Екатерина влезла в их дела своевольно и беспардонно, как кухарка немывтыми пальцами в тарелку с барским кушаньем.

– И она тоже приговорена?

– Конечно, приговорена.

7. Иллюминаты – они-то и нашли отречение Анны

В 1785 году по приказу курфюрста Баденского был арестован глава нового масонского ордена иллюминатов Адам Вейсгаупт. Обнаруженные при аресте у Вейсгаупта бумаги показали, что орден иллюминатов ставил задачу уничтожить всех монархов в Европе.

Б. Башилов.

– По крайней мере я так думаю, – продолжил свой рассказ Зайцев, – но когда она уселась на российском престоле, масонам было не до нее. Заварилась каша в Америке. Теперь там у масонов своя вотчина, заморская деревенька. Ну да это еще когда устроится. Да пока мост до Европы выстроят.

– Через океан?

– Через океан. И ездить по нему будут не на лошадях, на мосту ведь ямские станции не поставишь. Чтобы ездить по этому мосту, в Англии уже секретные машины есть. Двигаются они паром.

– Как паром?

– В закрытом котле кипятят воду, пар вырывается из котла с большой силой и толкает машину. Такие машины, только маленькие, для забавы строил еще механик Герон из Александрии. А плавать будут на кораблях, целиком отлитых из

меди.

– А корабль из меди... Не потонет?

– Все рассчитано по закону Архимеда. Один такой корабль уже есть в Англии. О нем даже писали в газетах, – Зайцев кивнул на стол, стоявший у стены рядом с книжными шкафами.

Александр и Зайцев разговаривали в той комнате дома, где находился камин и хранились книги – в основном на греческом и на латинском языках. Книг было немного, сотни две. Зайцев больше перечитывал и размышлял, чем читал.

На столе лежали переплетенные по годам «Санктпетербургские Ведомости», «Московские ведомости» и подобные им газеты из Лондона, Берлина и Парижа. Следуя Анаксарховым принципам невмешательства в жизнь и бездеятельности, Зайцев тем не менее интересовался всем происходящим в мире далеко за пределами очага в своем камине, хотя ему он уделял внимания более всего.

– И теперь масонам пока еще не до Екатерины. Им нужно казнить французского короля...

– Они сумеют это сделать?

– У них уже достаточно сил, чтобы выполнить этот завет сожженного Филиппом Красивым магистра ордена тамплиеров. Английского короля они держат в узде. Французского казнят, чтобы никому не повадно было идти против тайной силы, правящей миром.

– Но... Во Франции... Французское дворянство... Ар-

мия...

– Французское дворянство по большей части состоит в масонских ложах низших ступеней, вроде панинских и елагинских. Тех, кто пойдет против – перебьют, как овец на бойне. А армия будет воевать с кем ей прикажут – с соседними монархами, родственниками королевской семьи, с Испанией и Австрией. Французская армия, вооруженная на деньги масонов, при поддержке английского флота завоюет всю Европу. Монархов заменят парламентами, в парламентах, как в Англии, всем станут заправлять масоны. Вот тогда дойдет дело и до императрицы Екатерины II. Масоны – те, верховные масоны, убьют ее, отравят, казнят на площади, объявят сумасшедшей или заточат в каземат Шлиссельбургской крепости, или сошлют в Березов, в Пелым или Соловецкий монастырь. А в России сыщется второй Панин, в «Ведомостях» напечатают конституцию, Сенат назовут парламентом и будут править им как и парламентами остальных стран в Европе.

– Это у этих масонов отец выкрал отречение Анны?

– Нет.

– У кого же?

– У масонов, но у других. Ложи низших ступеней напрямую не связаны с высшими масонами. Говорят, во Франции таких лож больше, чем уездных городов. В России несколько десятков. Многие из них возникают сами по себе и потом встраиваются в общий ряд. Одна такая ложа недавно,

лет двадцать назад, появилась в Германии. Ее члены назывались иллюминатами, что значит «просветленные». Разумеется, просветленные светом высшего разума и поэтому их предназначение управлять человечеством. Но чтобы управлять человечеством, нужно сначала уничтожить всех тех, кто правит им сегодня – то есть всех монархов. Для этого они изобрели новейший яд – «аква тофана», подготовили целую армию наемных убийц и решили проникнуть во все масонские ложи, чтобы объединить их. Но иллюминаты действовали очень неосторожно, они привлекли к себе внимание и высшие масоны часть лож иллюминатов приказали распустить, часть запрятали в глубокое подполье до поры до времени. А часть выдали властям, чтобы создать видимость, будто иллюминаты уничтожены. Одна из иллюминатских лож успела обосноваться в России. Они и нашли где-то отречение Анны. Скорее всего, кто-то из членов ложи раскопал его в архивах Сената, где оно хранилось. Каким-то образом это дошло до князя Шумского. Поэтому майор Нелимов вместе с поручиком Корнеевым вступили в ложу иллюминатов, что было не только опасно, но и очень сложно.

– Отец вступил в ложу, чтобы выкрасть отречение Анны?

– Да. И, кроме того, чтобы добраться до их архива. Иллюминаты уже установили связь со многими масонскими ложами. А князь Шумский хотел после восстановления в России власти русских уничтожить всех масонов, действовавших в стране.

– Убить?

– Тех, кто сопротивлялся бы и продолжал свое дело – да, убить. Но большинство членов лож оказались в них по собственной глупости, следуя нелепой моде. С них – взять клятву о том, что они отрекаются служить кому бы то ни было, кроме царя. Майору Нелимову удалось добыть и отречение Анны, и списки членов многих масонских лож и скрыться так, что, как видишь, они долго не могли разыскать его. Но тот заговор, который князь Шумский готовил вместе с Паниным, провалился.

– Почему?

– Возможно, их кто-то выдал. Или же Екатерина разгадала планы заговорщиков. О заговоре знали очень немногие, не больше двух десятков человек. Командиры пяти полков – один из них сам князь Шумский. Панин и его приближенные. Великий князь Павел Петрович, его первая супруга, великая княгиня Наталья Алексеевна. Ее любовник – Андрей Разумовский, сын бывшего гетмана. Полкам хотели объявить в последнюю минуту. И даже не о заговоре, не о свержении императрицы. А о вступлении на трон законного наследника в день своего совершеннолетия. И полки вести не брать штурмом Зимний дворец, не арестовывать Екатерину, а поздравлять нового государя с законным восшествием на престол, доставшийся ему от отца и прадеда. И, увидев из окон дворца, что Зимний окружен войсками, Екатерина должна бы испугаться и выполнить обещание, данное когда

ее провозгласили императрицей – уступить трон сыну в день его совершеннолетия.

– Но Екатерина не испугалась...

– Да, она не впервой в таких переделках. Ей ведь тоже известен этот день – совершеннолетия сына. Она к этому дню хорошо подготовилась. Ночью, накануне, всех пятерых командиров полков, согласившихся вывести своих солдат к Зимнему дворцу, убили. Тихо, тайно. Без огласки.

– И князя Шумского?

– К князю на рассвете пришли люди Шешковского.

– Шешковский, который заведует Тайной канцелярией?

– Ну, теперь это называется Тайной экспедицией Сената.

Но под новым названием дела и люди их творящие – те же, что и раньше. В Тайной экспедиции есть особый отряд для перехвата секретной почты. В нем такие молодцы, что кого хочешь достанут. Вот они и явились – убить или арестовать князя Шумского. Жаль, что без самого Шешковского.

– Почему?

– По старому извергу давно плачет сосновый ящик. Князь Шумский был необычной силы, но ленив, шпагой владел плохо. Его смертельно ранили. А майор Нелимов перебил всех головорезов Шешковского. Князя увез в его имение. И похоронил на родовом кладбище, рядом с женой. Женат он был на княгине Шереметевой, я ее видел однажды, красавица – глаз не отвести. Поместья князей Шумских недалеко от старинного городка Шумска на границе Тверской и Новго-

родской губерний.

Зайцев замолчал: «Сказать, что там могилы его отца и матери? Нет... Это не моя тайна... Не говорил же ему Нелимов об этом столько лет... Может, на то имелись причины, о которых я не знаю. Нет, не нужно».

8. В их руках – весь мир

– Их мало, но они всюду.

– Как же так, почему?

– На то они и масоны. Их мало, но весь мир в их власти.

– Как же так, почему?

– На то они и масоны.

Анонимная пьеса XIX века.

– Ты как-нибудь съезди в Шумское, посмотри... – задумчиво произнес Зайцев.

Александр вопросительно взглянул на него, словно спрашивая: «Зачем?»

– Посмотришь, как жила родовитая русская старая знать, – как-то уклончиво, торопливо ответил Зайцев и добавил, словно оправдываясь, – Шумские по знатности рода не уступают ни Трубецким, ни Волконским, ни Галицыным, ни Долгоруковым. Только в отличие от них ни шутами, ни дураками при царях не блазили, и совесть и руки у них чисты.

– Значит, отца убили масоны, – Александр вернул Зайцева к главному разговору, – и отречение Анны теперь у них... Почему люди соглашаются вступать в ложи?

– Соглашаются? В ложу не так просто попасть. И не сразу принимают. А за то, что приняли, человек отрекается от

всех – от присяги царю и отечеству, от права распоряжаться самим собою. Он обязан – если потребуется – отдать все, что имеет, до последней рубахи. Обязуется хранить масонские тайны под любыми пытками. Но самое главное – дает нерасторжимую клятву выполнять любой приказ мастера ложи, в том числе и убивать. И не только в бою и на поединке. А если прикажут – душегубствовать как тать в ночи. Если человек вступил в ложу, дороги назад нет. Любого отступника ожидает смерть.

– Но это настоящее рабство. Зачем вступать в ложу?

– Некоторых привлекает таинственность и приключения. Некоторые наивно верят, что масоны хотят навести порядок в мире, уничтожить несправедливость и неравенство, дать всем свободу, сделать всех людей братьями. Для многих это кажется модным развлечением. Но главное то, что членство в ложе делает человека причастным к могущественной силе. Масон – раб только по отношению к старшему по ложе. А по отношению к остальным людям он кажется сам себе тайным властелином. В руках масонов – весь мир. Они двигают королями и правителями как фигурками на шахматной доске, от их воли и желания зависит жизнь любого человека, они могут уничтожить кого угодно. В их распоряжении огромные деньги. И это действительно так. Но только по отношению к тем, кто составляет мировое масонское правительство. А их полтора – два десятка, не больше. Все остальные – сотни тысяч – только орудие в руках высших масонов.

– Трудно понять, что движет человеком, отдающим себя в их власть...

– Это особое чувство. Чувство стада. Вернее, стаи.

– Волчьей стаи...

– Нет. Волчья стая нападает открыто. Волчьей стае подобны кочевники-степняки, живущие разбоем. Их можно победить, одолеть. От них можно защититься. Масоны – это крысиная стая. Они орудуют по ночам, тайно. От них нет ни спасения, ни защиты. С ними невозможно бороться.

– Но отец боролся...

– Да. Майор Нелимов и князь Шумский вступили в борьбу с ними. И оба погибли. Скажи, кто кроме тебя знает об убийстве Андрея? – Зайцев непроизвольно старался не называть майора Нелимова отцом Александра, чтобы прямо не соврать.

– Никто.

– А слуги?

– Никто не знает. Я первый увидел его убитым в кабинете.

– Но теперь, когда ты у меня, кто-то из слуг увидит тело...

– Не знаю... Я положил отца в постель, укрыл одеялом, думаю, никто ничего не заметит.

– А кровь? На полу, в кабинете?

– В крови только одежда. На полу крови не было.

– Да, удар прямо в сердце... Хорошо бы похоронить его так, словно он умер своей смертью...

– Почему?

– Огласка на руку только масонам. Ведь это их месть.

– Если даже Пантелеймон поймет, что произошло, он никому не скажет. Да, я похороню отца так, словно он не убит, а умер. Нужно сообщить матери... Но и ей можно не рассказывать, что он убит... Да, так лучше – убийство привлечет внимание...

Александр умолк и они долго молчали.

9. Чему посвятить жизнь

*Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой.*

А. С. Пушкин.

И в сущности ты прав!
И.В. Гете.

– Скажи мне, Александр... – первым заговорил Зайцев. – Ты ведь знаешь, майор Нелимов полностью доверял мне... Я не принимал участия в его делах... Но мы были все-таки близки... Мы вместе провели детство... Вместе с крестьянскими мальчишками катались на лошадях, спали с ними у костра, воровали кур и запекали их под костром... Андрей и князь Шумский считали себя названными братьями, Андрей хотел и меня принять в это братство, мой отказ не обидел его и мы остались друзьями... Он доверял мне все, совершенно все... Я не вмешивался в его жизнь и не имею права вмешиваться в твою. Но если ты будешь доверять мне, как майор Нелимов... Может, какой-нибудь мой совет поможет тебе... Принимать совет или нет – это твое решение... Скажи мне, что ты будешь делать?

– Когда похороню отца? Найду убийцу и убью его.

– Если его убили масоны – а таким кинжалом это могли

сделать только они, тебе придется убить всех членов ложи – иначе они рано или поздно уничтожат тебя.

– Ну что ж, значит я убью всех членов ложи.

– Если бы майора Нелимова убил какой-нибудь брестер или враг, ты мог бы отомстить. Но отомстить масонам невозможно. Даже если ты убьешь всех членов ложи иллюминатов. Все ложи связаны, в том числе и те, которые враждуют между собой, они объединены на более высокой ступени. Тебе придется бороться со всем масонством. И с теми, которые правят миром сидя в Амстердаме. Это не то что Гераклу победить Гидру. Это как Гераклу сражаться с полчищем Гидр. И кроме того: ни ты их, ни они тебя на честный поединок вызывать не станут. Масоны могут убить из-за угла, отравить, оклеветать, подвести под суд и упрятать в тюрьму. Ты понимаешь это?

– Да, я понимаю, что это не поединок, не дуэль... Но я не просто хочу отомстить за убийство отца. Я продолжу его дело, которое он начал с князем Шумским. Я найду отречение Анны. Князь Шумский и отец правы – царя нужно избрать на Земском соборе. Россией не должны править немцы, пролезшие к трону.

– Ты думаешь, отречение Анны поможет свергнуть с престола императрицу Екатерину II?

– Не только ее, но и наследника, великого князя Павла – он ведь тоже, согласно отречению Анны, не имеет прав на престол. Насколько я знаю, Екатерина хочет в обход Пав-

ла посадить на трон его сына, своего внука, великого князя Александра. Но, исходя из отречения Анны, и это незаконно! Я обязательно найду отречение Анны!

– Отречение Анны – само по себе бесполезная бумага столетней давности, о которой толком никто и не помнит. Даже князь Шумский и майор Нелимов не смогли воспользоваться им, потому что власть принадлежит не тому, кто соблюдает законы, а тому, у кого сила. А князь Шумский опирался все-таки на целую партию, пусть и разрозненную и слабую, да еще вошел в союз с другой партией – немецкой, придворной. Но даже они не смогли отнять власть у императрицы. Тот, кто уже сидит на троне – пусть даже незаконно, располагает войсками, казной. Екатерина не испугалась дня совершеннолетия великого князя Павла, и не уступила престол, как того требовали закон и обязательства, ею самой данные. Не испугается и отречения Анны.

– И тем не менее она готова заплатить за него огромные деньги.

– Конечно. Лучше заплатить деньги за эту бумагу, пока о ней никто не помнит и не знает, и уничтожить ее. Ведь чтобы отнять этот документ, когда враги начнут использовать его, придется потратить намного больше денег.

– Из этого следует, что отречение Анны – огромная сила.

– Да. Большая сила. Но только тогда, когда за ним стоят люди, способные использовать его. Целая партия. Сильная партия с помощью этой, пока еще ничего не значащей бу-

маги может объединить недовольных, смутить умы колеблющихся, возбудить народ. Тогда это отречение – страшная сила. Но и тогда еще неизвестно, кто победит: те, кто станет за этот документ, или Екатерина с Потемкиным, армией, придворными и губернаторами.

– Я знаю, власть, даже неправая, сильна. Но ни Годунов, ни Лжедмитрий не смогли удержать трон, который заняли обманом и неправдой. Я найду отречение Анны и оно станет силой.

– На это, может быть, придется потратить всю жизнь...

– А чему мне посвятить свою жизнь? Тому, чтобы добиваться чинов в армии Потемкина? Рискуя жизнью идти в бой, чтобы Екатерина украсила еще одним бриллиантом мундир очередного фаворита? Гаремного мальчика, без всякого стыда обитающего в монаршьей спальне развратной старухи, незаконно занимающей трон. Или, – вспомнил вдруг Александр, – посвятить жизнь свою выращиванию овов, как Протасов?

Александр не рассказал Зайцеву о подслушанном разговоре старика Зубкова с сыном Платоном, уже готовящемся к ратным подвигам в постели стареющей императрицы. Но примеров, подтверждающих его слова, и без того имелось предостаточно.

Все знали, какие обязанности исполняли стройные флигель-адъютанты, приятными трудами заслужившие генеральские чины в двадцать пять лет, – гравированные их

портреты продавались в книжных лавках вместе с портретами особ императорского дома, славных победами на поле боя полководцев, знатных вельмож и прославившихся в прошлые времена героев.

10. Не так все просто

*Когда легковерен
И молод я был,
Младую гречанку
Я страстно любил.*

А. С. Пушкин.

*Уймись, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!*

Н. В. Кукольник.

– Скажи мне... – после некоторого молчания спросил Зайцев, – если бы майора Нелимова не убили... А он бы умер своей смертью... Ведь и он и я, мы уже старики... Наш срок может наступить в любой день... Скажи, если бы не это убийство, ты выбрал бы путь, на который сегодня решаешь-ся стать?

– Конечно, – ни секунды не раздумывая ответил Александр, – это мой путь. Отец по привычке считал нас с Катей детьми. Но рано или поздно он сам привлек бы меня ко всем этим делам. Чему еще в наше время я могу посвятить свою жизнь?!

– Жизнь можно посвятить разному... Я посвятил свою

жизнь размышлениям у этого огня... – Зайцев кивнул на камин, огонь в нем почти угас, только синие и красные язычки пламени то и дело появлялись между углями. – Скажи мне еще... Ты ведь помолвлен с племянницей княгини Тверской?

– Да, – Александр только сейчас вспомнил о существовании в этом мире Поленьки и о помолвке, на которую так неожиданно, но язык не поворачивается сказать, что нехстати, явилась Оленька Зубкова.

Да, оказывается кроме того мира, в котором блудливая немка-императрица, ничуть не стыдясь наличия у нее гаремных мальчиков, бессовестно попирает закон и древний обычай русского народа, прославляющего ее как великую мать отечества, есть еще и другой мир, а в нем Поленька и Оленька...

И еще Фенюшка... Старшая, уже шестнадцатилетняя дочь Анисьи, той самой... Александр в последнее время несколько раз встречал Фенюшку – и на деревенской улице, и на подворье Егора Медведева – Топтуна, мужа Анисьи, у него он часто брал лошадь, и однажды на летнем цветущем лугу. И каждый раз, увидев Александра, Фенюшка отворачивалась и вдруг стремглав бросалась бежать.

Александр вспомнил встречу с ней на лугу. Тоненькая, гибкая, грациозная, как козочка, она бежала, стройные, смуглые тонкие ноги ее, с завитками щиколоток, мелькали из-под подола легкого платья, сшитого из выбеленного льна.

Она, казалось, летела, перепрыгивая через валки скошенной травы, пока не скрылась между кустов у речки. Ах как, наверное, трепетало ее уже не детское сердечко, когда она бежала... Почему она убегает от него? Да, есть и другой мир... А в нем и Протасов со своими овсами, и – невероятно, конечно, – но женись он на Катеньке, они могли бы быть счастливы...

– Ты любишь ее?

– Кого? – Александр вернулся в этот мир из того, другого мира, освященного стремительным полетом босоногой Фенюшки над свежескошенными травами летнего луга.

– Племянницу княгини Тверской. Или женишься на ней из-за приданого?

– Поленьку? Она мила... Я, конечно же... – Александр так и не сказал слова «люблю».

– Нет ничего плохого в том, чтобы жениться по разумному расчету на милой девице. К тому же на племяннице княгини Тверской. Уж кто-кто, а Старуха воспитала свою племянницу, из нее вряд ли выйдет плохая жена. Но если ты решишь посвятить свою жизнь тому, чтобы продолжить дело князя Шумского и майора Нелимова... Ты подвергнешь опасности не только себя, но и свою будущую жену. Княгиня Тверская, кстати, знает о неудавшемся заговоре князя Шумского. Не все подробности, но знает, что произошло и почему майору Нелимову пришлось полжизни скрываться в тверской глуши. Ей известно, как погиб князь Шумский и то, что... –

Зайцев умолк на полуслове, едва не сказав: «И то, что ты – сын князя Шумского», но вовремя удержался и закончил, – и то, что вся эта история поломала им обоим жизнь. Поэтому, решив выдать за тебя свою племянницу, она взяла с майора Нелимова слово, что он не сделает тебя своим преемником в борьбе за справедливость и будущее России.

– Так вот почему отец ничего не рассказывал мне... Ведь я уже давно не ребенок и мог бы помогать ему... Нет, мой долг продолжить дело отца и князя Шумского. Да, я помню и люблю Карла Ивановича Гофмана. И своего друга барона Дельвига. Но Россия должна освободиться от ига иноземцев. Когда-то она одолела поработивших ее монголов, одолеет и немцев. И сбросит иго масонов: и своих собственных, и тех, которые сидят в Амстердаме. И ради этого стоит жить и отдавать жизнь. А Поленька... Поленьке придется все объяснить. Ведь помолвка все-таки еще не венчание...

– Да, конечно, помолвку легко расторгнуть. Но подумай, как ты объяснишь ей причину? Ведь ей не расскажешь все как есть на самом деле. А если и расскажешь. Во-первых, посвятив ее в эти дела, ты все равно подвергнешь ее жизнь опасности. А во-вторых, поверь мне, нет в мире таких доводов, которые убедят юную деву расторгнуть помолвку. Она тут же согласится пожертвовать ради тебя и твоего дела своей жизнью. Такую цепь нельзя разомкнуть, ее можно только разорвать, болезненно, а то и смертельно. Сколько девиц решались наложить на себя руки, потеряв возлюбленного...

Слова Зайцева произвели сильное впечатление на Александра. Да, положение намного сложнее, чем кажется сразу. И выхода – разумного выхода – не видно...

11. Тщетная попытка Гераклита

Будь, что будет.
И. В. Гете.

Семь раз отмерь, один раз отрежь.
Русская пословица.

*Возникает множество сомнений,
действительно ли это подходящий случай?*
А. Ф. Прево.

– Я не отговариваю тебя от твоего решения, – продолжил Зайцев. Посвятить жизнь борьбе за свободу отечества – дело святое, достойное честного дворянина. Россию в самом деле грабят иноземцы. И еще больше свои же продажные кровопийцы. Страна разваливается изнутри. Народ не верит правителям. Правители неспособны править и относятся к народу хуже, чем к рабочему скоту. Вельможи выгребают все, что только можно из своих вотчин, а их наследники или уезжают в Париж и Лондон, в Италию проматывать наворованное и награбленное, или пускают на ветер, обращают в прах своими глупыми безумствами тут же, на месте, никуда далеко не отъезжая. Такая страна беззащитна и перед внешним врагом, и перед внутренним. И если ты осознанно решил посвятить жизнь не глупым поединкам, пирушкам и по-

гоне за чинами и богатством, а спасению Отечества – я первый благословлю тебя, как друг майора Нелимова и как человек, который помогал тебе открыть возвышенный духовный мир древних греков. Расскажу тебе более того... – Зайцев на минуту умолк и, собравшись с мыслями, сказал, – достань из ящика стола кожаный портфель...

Александр поднялся из удобного деревянного кресла самодельной работы одного из дворовых умельцев и подошел к столу, на котором рядами громоздились переплетенные по годам газеты, хранящие на своих страничках записанные по-русски и по-немецки, и по-французски, и по-английски важные и совсем незначительные события – известия о смерти и рождении монархов, сообщения о битвах, заключении мира после коротких или продолжительных войн, рассказы о диковинных происшествиях – землетрясениях и вытекании раскаленной лавы из горы Везувий в Италии и данные термометров и флюгеров, показывающих направление ветров в Санкт-Петербурге, Москве, Берлине, Париже и Лондоне, аккуратно отмечаемые специально для того к ним приставленными людьми.

Александр вынул из ящика стола небольшой мозаиковый кожаный портфель, в те времена изящно называемый портфелем.

– Достань из него бумагу, – сказал Зайцев.

Александр расстегнул две медные, потемневшие от патины пряжки, открыл портфель и вынул из него лист пожелтев-

шей толстой бумаги, исписанный бледно-синими угловатыми, с необычными завитушками буквами, сверху украшенный черным, типографской печати двуглавым орлом, снизу – короткой подписью. Он пробежал написанное глазами. Это было отречение Анны.

Та самая бумага, заполучить которую стремились все масоны – прячущиеся в петербургских ложах и заседающие в своем всемирном правительстве в Амстердаме... С помощью этой бумаги князь Шумский хотел отстранить от престола великого князя Павла, свергнув перед этим с трона его мать – императрицу Екатерину II Алексеевну. Из-за этой бумаги вчера ночью масоны убили майора Нелимова. Но им не удалось найти отречение – оно теперь в руках у него, Александра! И он знает, как ему теперь поступить...

– Отречение Анны! Вы отдадите его мне? – вопросительно-утвердительно воскликнул Александр, и глаза его сверкнули – в этот миг он забыл и о Поленьке, и об Оленьке Зубковой, и о Фенюшке, а тем более о Протасове с его лучшими в России овсами, и о его возможном счастье с Катенькой, если они – что, конечно, маловероятно – поженятся и будут растить милых детушек.

– Отдам, – сказал Зайцев, – майор Нелимов хранил отречение Анны у меня после того, как убил на поединке поручика Корнеева. Он ничего не сказал мне, как поступить с этой бумагой в случае его смерти. Я отдам ее тебе, но только после того, как ты три раза попросишь об этом. Один раз ты

уже попросил. Чтобы получить эту бумагу тебе осталось два раза приехать ко мне. И с третьего раза ты увезешь ее с собою. Действуя по первому порыву, даже благородному, человек рискует попасть в ловушку, устроенную ему врагами, или судьбою. Впрочем, хорошо обдумав свои планы и намерения, все взвесив и предусмотрев, можно оказаться в такой же ловушке... Если я умру до того как ты надумаешь забрать эту бумагу, а она, не забывая, может преждевременно свести в могилу очень многих людей и тебя самого, бумага эта будет запечатана в этом портфейле и мой приказчик передаст тебе этот портфейль вместе с завещанием – Каменка после моей смерти отписана тебе, – и, подумав, добавил, – майора Нелимова хорони без меня. Я не приеду на его похороны...

– Почему? – спросил Александр, спрятав мозаиковый портфель с отречением Анны назад в ящик стола.

– Не хочу видеть его не живым. В гробу. Мне ведь тоже скоро туда же. Мы, старики, как дети, боимся смерти. Но в отличие от детей она нам, старикам, безразлична...

Александр Нелимов уехал, а Зайцев остался сидеть у почти угасшего камина.

Красные угли в нем покрылись тонким слоем белесого пепла, сквозь пепел было видно, как угли то чуть темнеют, то ярче светятся изнутри остатками жара, уже не имея силы вспыхнуть языками пламени, но все же то там, то тут вспыхивающими и сразу исчезающими. Зайцев кликнул из прихожей мальчика-подростка в старом заношенном сюртуке,

перешитом из барского. Мальчик принес дрова – пять тяжелых, колотых дубовых поленьев.

Зайцев сам уложил четыре из них на тлеющие угли, а пятое – сверху, поперек нижних. Большие, тяжелые поленья, казалось, придавили остатки огня, теплый, уютный свет в камине померк.

Но слой горячих углей под поленьями таил в себе достаточно жара, чтобы тепло через некоторое время поглотило новую пищу. Сначала вокруг поленьев, снизу, потянулись сизые струйки дыма, дым заполнил камин, но хорошая тяга уносила его вверх, в каминную трубу, и вот в нескольких местах, сбоку и между поленьями, вспыхнули маленькие синие язычки, потом они увеличились, окрасились в играющий, колеблющийся красный цвет, слились, охватили все поленья и ровное, сильное пламя поднялось над кусками спиленного и расколотого дубового дерева, сто лет копившего солнце и спрессовавшего, не ускользнувшие во вселенскую бездну его лучи в плотную, крепкую древесину, отдающую теперь собранное годами тепло и, сгорая, оставляющую жаркие крупные уголья, чернеющие после того, как они выпустят из себя пламя, рвущееся следом за дымом вверх, но не улетающее за ним, а остающееся в очаге.

Отставной поручик Петр Петрович Зайцев просидел, глядя на огонь и подбрасывая дрова в камин, далеко за полночь.

Он вспоминал своего друга первых детских лет Андрея Нелимова, отчаянно смелого и неудержимого, со шпагой

в руке, но не успевшего отразить молниеносного кинжала в виде извивающейся змеи, вспоминал князя Шумского, стройного красавца необычайной силы, любимца женщин, замечательного танцора, поленившегося выучить и отточить все известные фехтовальные приемы, удары и выпады и потому не успевшего довести до конца свои замыслы, вспомнил даже его жену, которую видел только однажды и был поражен ее красотой.

Но больше всего он думал о Гераклите, давно ушедшем в мир иной – какой иной, и есть ли он, иной мир – но первым из людей догадавшимся, что не иной, а этот мир, названный им космосом, и жизнь человеческая всего лишь огонь, то вспыхивающий, то угасающий, под вечным присмотром того, кто подбрасывает хорошие, сухие, желательно дубовые или березовые дрова; присмотрщика этого Гераклит назвал греческим словом, «логос», но как он ни растолковывал значение этого слова, соплеменники так и не поняли его объяснений, как не понимают его и все живущие в этом мире со времен Гераклита.

12. Заботы и хлопоты

Похороны совершились на третий день. Тело бедного старика лежало на столе, накрытое саваном и окруженное свечами.

А. С. Пушкин.

*И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.*

А. С. Пушкин.

Вернувшись от Зайцева, Александр первым делом выяснил, знал ли кто из слуг о смерти барина. Молодой Тришка, добрый малый лет двадцати пяти, исполнявший при Александре обязанности верного денщика и помощника на охоте, вообще несколько дней отсутствовал в доме, так как, пользуясь нестрогостью молодого хозяина, давно уже завел себе на деревне солдатку и при каждом удобном случае ночевал у нее.

Почему он предпочитал оставаться у этой солдатки вместо того, чтобы неотлучно находиться в имении, сообразительный читатель может легко догадаться, вспомнив свою молодость.

Две деревенские девки, взятые на время приезда Катеньки, и едва передвигавшаяся старуха кухарка не выглядывали

из кухонной половины. Мальчик сирота Федька, как всегда, спал в прихожей. Только старый Пантелеймон видел неизвестного гостя, приехавшего к барину и исчезнувшего тихо и незаметно, как это часто делали господа, являвшиеся к майору по давним петербургским делам.

Вечером Александр сказал Пантелеймону, что барин занемог, а утром – что отец умер. Через три дня его похоронили. Александр посылал коляску в Захаровку, за матерью, но жена майора Нелимова отказалась проводить мужа в последний путь.

На похороны приехала княгиня Тверская с печально робкой Поленькой. Вместе с ними явился и Богдан Степанович Персидский, считавший себя ближайшим другом майора, так как тот знал толк в фейерверках и разрешал Александру помогать Персидскому устраивать эти зрелища, требовавшие знаний, опыта и осторожности.

На погосте у церкви собрались крестьяне. За двадцать лет жизни при странном барине мужики распустились и разленились донельзя, но, несмотря на это, барином они гордились и рассказывали, при случае, мужикам из соседних деревень, что, упражняясь с сыном, их «майлер» так «шпажкой тычет», что нет сил глазом усмотреть, а когда палит из пистолей, то влет сбивает простую муху, а крупного овода или мохнатого шмеля – даже не прищунив глаза.

О том, что произошло на самом деле, никто не догадался. Только священник удивился, когда Александр сказал ему,

что сам обмыл тело отца. Но потом подумал, что в этом нет ничего странного при хозяйственном неустройстве, царившем в усадьбе Нелимовых. Могила майора Нелимова оказалась рядом с могилой убитого им на поединке поручика Корнеева, с ним он когда-то, в годы беспечной и дерзкой молодости, похитил у масонов отделения страшной ложи иллюминатов отречение Анны, погубившее их обоих.

Спустя несколько дней после похорон Александр вызвал к себе Егора Медведева, Топтуна, мужа Анисьи, и приказал ему, как человеку бывалому, в свое время живавшему и в Твери-городе, и в Москве, отвезти в Санкт-Петербург письмо Анастасии, внучке хромого Акима Сверчкова из Захаровки, отпущенного на волю еще самим старозаветным баарином, бригадиром Матвеем Ивановичем Захаровым, отцом барыни, то есть жены майора Нелимова.

Сверчков известен в столице по торговому промыслу и слывет миллионщиком, а потому Егор должен исхитриться разыскать его в городе, пусть себе даже и таком не маленьком, как Санкт-Петербург, где люди, живущие на одной его стороне, толком и не знают, кто живет на другой.

В письме Александр объяснял Анастасии, как найти Екатерину Андреевну Нелимову, фрейлину малого двора великого князя Павла Петровича, а встретившись с ней, рассказать, что умер ее отец, Андрей Петрович Нелимов. Но, главное, улучив удобный момент, шепнуть ей на ухо, что брат ее, то есть он сам, Александр, узнал все об Анне.

Отправив нарочного, Александр на всякий случай написал Катеньке простое письмо с вестью о смерти отца и послал его по казенной почте. Обычно во всех делах Александр привык полагаться на Катеньку, подчиняясь ее мнению и как бы уступая ей старшинство. Но после смерти отца, оставшись единственным мужчиной в семье, он подсознательно почувствовал за собою ответственность за сестру, и за мать, и за имение.

Имение было почти разорено, вернее, совершенно запущено. При отце Александру и в голову не приходило заниматься хозяйством, хотя Протасов часто упрекал его в том, что хозяйство у Нелимовых ведется из рук вон плохо, а точнее, не ведется хозяевами совсем.

Точно так же обстояли дела и у многих других помещиков. Недалеко от Заполья, верстах в сорока, находились владения князей Сорокопьятовых. У них хозяйство было развалено еще хуже. Но князей с этой странной фамилией все считали если не сумасшедшими, то по крайней мере полусумасшедшими, что соответствовало действительности.

Жалкое существование влачили по вине своих хозяев и еще несколько поместий. Владелец одного из них, Козловский, жил в Петербурге и годами не появлялся в своем имении. Его приказчики обирали крестьян и воровали безмерно, наживая себе за несколько лет состояния, деревни Козловского поражали нищетой и разорением.

Так же выглядели и еще несколько поместий, хозяева их

или спивались, или из-за лени и неспособности медленно погружались в состояние естественного распада.

Но на глазах у Александра имелись и совсем другие примеры. Тот же Протасов со своим, как он говорил, совершенно идеальным поместьем, в нем – опять же по словам хозяйина – каждая травинка и каждая курица приносила доход, «ибо к тому и предназначена Богом и естеством».

Можно сказать, процветало имение Дельвигов. Две сестры-немки рачительно вели хозяйство, бережливо собирая копейку к копейке, предназначенные для будущей карьеры молодого барона. Крестьяне в их имении были в меру сыты и досмотрены, как прилеженные хорошим хозяином кони.

Зажиточно жили и мужики княгини Тверской, владения ее вообще казались особым государством, окруженным другими странами, жившими по другим законам и обычаям. Неплохо шли дела и у князя Ратмирского. Настоящего порядка добиться ему не удавалось, но так как он все-таки пытался заниматься хозяйством, то, благодаря и его трудам, и хлопотам управляющего, о котором я расскажу попозже, результаты их трудов и забот все-таки сказывались.

13. ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ

Ох, то-то все вы, девки молодые.
А. С. Пушкин.

*У меня и без того достаточно причин
жаловаться на любовь.*
Шадерло де Лакло.

Пока был жив майор Нелимов, Александр не обращал на хозяйство никакого внимания. Во-первых, как младший в семье он не мог вмешиваться в заведенные, точнее, сами собой сложившиеся порядки. А во-вторых, ему было не до того – все его время отнимали страсть к охоте, благодаря этому усадьба не голодала, упражнения в фехтовании, которыми он доводил себя до изнеможения и поэтому добился огромных, пока что незаметных ни самому, ни другим (кроме майора Нелимова) успехов, ну и, конечно, любовные похождения.

Правда, похождения Александра – и с его проводницей в мир плотских утех Анастасией, и с крестьянскими девками, и с дамами, и даже с Оленькой Зубковой, нельзя назвать любовными, так как душевных переживаний, мук и страданий он не испытывал.

Все это следовало бы назвать игрою плоти, опытами соития, своего рода проявлением развития естества, не имев-

шими, кстати, ничего общего с развратом, явлением исключительно духовным, разврат не известен в мире живой, вечно совокупающейся природы.

К настоящему моменту Александр подошел к той черте, когда и эту часть своей юношеской жизни он должен был осмыслить. Он вдруг превратился из ребенка, которого волновало, да и то только потом, чтобы о его проказах не узнали родители, в главу семейства, и теперь нужно отвечать за поступки перед самым строгим судьей, от которого человек, неиспорченный и благородный, не имеет возможности скрыть ничего – перед самим собою.

Неожиданный разговор с Зайцевым об ответственности перед Поленькой за все то, что может произойти с ним, подтолкнул Александра к осмыслению своих отношений с представительницами другого пола, ведь их даже какой-то собор отцов церкви, найдя законный для того повод, постановил считать людьми, а не игривыми козочками, за которыми вдогонку могут пуститься и сами, чуждые власти плоти, святые отцы, подобрав для удобства бега подол своих одеяний, чтобы, в случае успеха преследования, поднять его еще повыше.

Именно людьми, а не оленьими самками, сводящими с ума буйных ретивых самцов покачиванием нежных крупов, приобретающих к осени светлую окраску шерсти, более привлекательную, чем даже нужно.

И хотя они – представительницы этого другого пола, признаны людьми, но сведут с ума кого хочешь, даже если их за-

прятать в какие-нибудь одеяния, придуманные, чтобы скрывать то, что сводит с ума, но на самом деле не скрывающие, а привлекающие к тому, что якобы скрывается, даже если одежды эти спрячут все, совершенно все – маленькие ножки в изящных туфельках, и саму стройную фигурку, соблазнительно перетянутую в талии, и почти полуобнаженную грудь, разделенную надвое не менее соблазнительной ложбинкой, и гордую шейку, и чуть, словно припухшие, полуоткрытые, зовущие губки – и останутся только видные сквозь довольно широкую прорезь глаза, – то глаза эти, своим блеском и жгучим огнем и мельканием длинных черных ресниц, сделают то же самое – сведут с ума.

А уж если взору предстанет гибкая, грациозная фигурка и можно усмотреть или хотя бы угадать проворные ножки, готовые умчаться манящим за собой легким бегом... Как это, не умея удержаться в своей естественной простоте, делала прелестная Фенюшка...

Александр ведь лукавил, когда задавал себе вопрос: «Почему она вдруг ни с того ни с сего бросается бежать от меня?» Он прекрасно знал, почему и зачем убегала Фенюшка. Но не догонял ее, как сильный молодой олень. Почему? А потому, что уже задумывался.

Ведь она, Фенюшка, не просто грациозная самочка. Она – дочь Егора Медведева, Топтуна, самого толкового из его мужиков и потому им неосознанно уважаемого. Уважение это еще больше окрепло, когда он отправил Егора с письмом в

Санкт-Петербург и почувствовал с каким пониманием и преданностью и ответственностью этот мужик взялся исполнять поручение своего барина, догадываясь, что дело не совсем простое и даже, скорее всего, рискованное. И то, что было у него, Александра, с женой Егора, Анисьей, теперь уже не могло ни повториться, ни продолжиться.

Александр как-то сразу вдруг понял, что все эти девицы и девушки, совсем не так устроенные, как мужчины, – не просто интересные существа и отвечать за них нужно куда больше, чем за любимую лошадь. А уж за Поленьку...

14. Верую, верую и трудов не пожалею

Одарен некоторой живостью характера, вследствие которой было со мной множество всяких случайностей.

П. В. Чичагов.

Таков ли был я, расцветая?

А. С. Пушкин.

Узнав тайну отречения Анны и вместе с этой тайной – тайну отца, заключавшую в себе дело его, майора Нелимова и князя Шумского, жизни, Александр ясно и бесповоротно определил, что это дело – дело и его жизни. До этого он довольно смутно представлял свое будущее, то ли мирного помещика, через приданое Поленьки наследующего владения княгини Тверской, то ли храброго воителя, ведущего в генеральском мундире свои войска чуть ли не в Индию, как это некогда делал другой Александр, царь македонян, упорно считавших себя эллинами, что не совсем признавали за несколько неотесанными горцами их, скажем так, двоюродные братья с тоже не совсем равнинного Пелопоннесского полуострова, отличного от других полуостровов в первую очередь необычайной изрезанностью береговой линии.

И услышав от Зайцева о том, что у князя Шумского и май-

ора Нелимова была великая цель – освободить родину, Россию, от немцев и проходимцев, незаконно завладевших русским тронem (а заодно, хорошо бы освободить и весь мир от засевших в Амстердаме масонов и их пособников в петербургских и московских ложах), Александр со всем пылом юношеской души, жаждущей возвышенных подвигов, предался этой мечте.

Отец никогда не подталкивал его к такому решению. Понятно, он дал слово княгине Тверской не втягивать сына князя Шумского в дела давно минувших дней, дела, потерпевшие полный крах. (А кроме того, об этом его просил и сам умиравший на его руках князь Шумский, когда майор Нелимов привез его, тяжелораненого, в родовое имение и они нашли там умершую от родов жену князя и только что увидевшего свет наследника славного рода Шумских).

Но прожив почти двадцать лет рядом с тайно заменившим ему отца майором Нелимовым, Александр, считавший его своим родителем, смотрел на мир глазами майора Нелимова. Он стал для него непререкаемым авторитетом и со шпагой в руке, и у ландкарты, по которой они намечали возможное движение войск. И в оценках и мнениях о немцах, поналезших в Россию как тараканы к хлебу на кухонном столе, и о блуднице Екатерине, выудившей из-под носа у немца Панина и хохла Разумовского императорскую корону, и о Потемкине, щеголявшем, как шут гороховый, в фельдмаршальском мундире, украшенном бриллиантовыми пуговицами.

Да и сам Александр, в свои восемнадцать лет мало в жизни повидавший, так как дальше Твери еще никуда не ездил, но не мало знавший, так как перечитал на пяти языках почти все написанное за две тысячи лет, и еще больше понимавший благодаря усердно наставлявшим его Карлу Ивановичу Гофману и Петру Петровичу Зайцеву, уже приходил к тем же выводам и определениям, которые слышал от отца.

Рассказ Зайцева только подвел черту и стал поводом, чтобы сказать: «Верую, верую и трудов не пожалею, жизни не пощажу в борьбе за правое и священное дело!» И, полный сил и отваги, с неотразимой шпагой в одной руке и неопровержимым отречением Анны (за ним ему осталось только два раза съездить к Зайцеву), он уже готов ринуться в бой, броситься навстречу жестоким сражениям и опасным приключениям, войти в интриги, преодолеть их коварство и победить – победить или героически сложить голову за святое, правое дело.

Хотя нет, конечно же, не погибнуть, а просто победить вместе с друзьями, тем же бароном Дельвигом и еще двумя смелыми, ловкими и преданными товарищами, они рано или поздно отыщутся в боях и походах.

И вот в тот самый момент, когда, казалось бы, можно уже седлать коня, подобного легендарному Буцефалу или Росинанту или хотя бы лошади того цвета, который весьма распространен в растительном мире, но редко встречается у лошадей, зато может помочь ее владельцу обрести заклятого

врага, вдруг выясняется, что герой не совсем свободен.

Ладно уж ни на что, кроме жаркой ночи, не претендовавшие многоопытная Анастасия и неудержимая Анисья, и боногие нимфы полей и лугов, и даже Фенюшка, о ней нет-нет да и вспомнишь. Ладно уж любившая его тайно и самоотверженно тетушка барона Дельвига. Ладно уж княгиня Ксения Павловна Свирская, чуть не утащившая его в Париж, как кошка зазевавшегося неосторожного мышонка. Ладно уж жена тверского губернского чиновника – ее даже имя забылось. Всех их можно бы зачислить в грехи молодости, не сказать чтобы печальные ни для них, ни для него.

Но вот Поленька... Как быть с Поленькой?

Ах как некстати Катенька поторопила помолвку! Рассказать Поленьке все как есть? И она в ответ бросится к нему на шею и поклянется, что готова отдать ему свою жизнь и, если нужно, погибнуть вместе с ним... И погибнет, если придется, или поедет, как княжна Долгорукова, то есть графиня Шереметева, за ним в ссылку в Сибирь, если его постигнет неудача...

Имеет ли он право так распоряжаться ее жизнью? А если получится как у отца... Мать, наверное, тоже по девичьей восторженности молодых лет готова была на все ради счастья в объятиях решительного и смелого майора... Годы жизни в глуши, тяжелый гнет неудач подавили ее, сломали... И можно ли винить ее... Конечно же нет...

А что ожидает Поленьку, соедини он ее жизнь со своей, на

краю пропасти к которой он движется направляемый судьбою...

15. Где она? Какие каверзы готовит?

Капризная, упрямая.
А. Карчевский.

Любовные, чудные грезы
Проснутся ли в сердце твоём?

Цыганский романс.

Можно, конечно, просто уехать. Написать письмо с каким-нибудь, для отвода глаз, объяснением. Увлёкся другою... И потому недостоин... Или что-нибудь подобное... И вот она, милая, робкая, надеющаяся Поленька брошена после помолвки... Она, с такою нежною, ранимою душою... Разве она заслужила такой удар, разве ей вынести такой позор, пережить такую обиду?

И потом... За Поленькой тень Старухи, грозной княгини Тверской. Во всей округе перед ней не дрожал только майор Нелимов (и само собой разумеется, поручик Зайцев, он не боялся не только Старухи Тверской, но даже и той Старухи, что бродит по свету со ржавой, но острой косою, и носит с собою связку ключей от всех дверей, почему от нее невозможно запереться никакими замками и не удастся спрятаться ни за какими дверьми, если ей придет в голову заглянуть на огонек, не спрашивая на то разрешения и не предупре-

ждая о своем обычно ни для кого не желанном приходе).

Александр, отчасти по молодости лет, отчасти наученный Зайцевым, не боялся этой второй Старухи, а вот суровой княгини Тверской побаивался, правда, совсем немного, чувствуя, что княгиня благоволит ему, и даже чуть молодится в его присутствии.

Да, сбежать от Поленьки это не то что геройски ловко и доблестно улизнуть из постели Оленьки Зубковой. И, кстати, что с Оленькой? Неужели она исчезла навсегда? Нет, не для того она приезжала на помолвку, чтобы потом исчезнуть просто так... Ах как она блеснула, как поразила: комета, комета, метеор... Как она сразила Старуху, княгиню Тверскую!

Александр слышал почти весь их разговор, холодея от ужаса, что вспыхнет вселенский скандал и Старуха вышвырнет Оленьку как жалкого, царапающегося котенка, но Оленька вдруг сказала: «Пожалуют собольку перстенок да и проглотят с хвостиком», и могущественная, всеильная, всевластная Старуха, вдруг мертвенно побледнев, потеряла дар речи...

«Пожалуют собольку перстенок да и проглотят с хвостиком»... «Что значат эти слова? Почему они так сильно уязвили княгиню Тверскую? Перстенок, соболек... Что-то знакомое... Какое-то присловье, то ли поговорка... Погоди, соболек...» «Ах какой у тебя, барин, соболек», – говорила Ани-сья, лаская его там, где не ласкают девицы, это мужчины нетерпеливы и торопливы, им нужно и пощупать и увидеть,

а девушки стыдливы, они довольствуются более скромными ласками.

Анисья была куда как смела. И не стыдилась ласкать там, где интересно. От этого ее бесстыдства в нем снова возникало желание и он опять поворачивал ее к столу в той их маленькой каморке, где и прилечь-то нет места.

Но что значит – пожалуют перстенок? И проглотят с хвостиком? Наверное, что-то, конечно же, неприличное, если сказать вслух при людях... И почему это касается княгини Тверской? Наверное, Оленька что-то разузнала о ее, княгини, молодости, и, возможно, каком-то ее романе...

Соболек – вслух при всех... Конечно же, княгиня когда-то была молода... И говорят, красавица... И, конечно же, были у нее романы. Неспроста и замуж она не вышла... Ведь захоти она выйти замуж, женихи бы нашлись, и не один... Но вот какой-то соболек, которому пожаловали перстенок, видимо, разрушил ее счастье... Кто пожаловал? Сама княгиня, наверное, но кто-то этого соболька проглотил с хвостиком, и перстенок не помог...

Ах как уязвила, как больно кольнула... А потом победно прошлась в полонезе и упорхнула... Упорхнула, как голубка... Хотя, конечно же, нет, она совсем не голубка... Попадись ей голубка, от голубки только перья полетят... Умчалась, как ослепительная белая пантера... Мелькнула как молния и словно ее и не было... Не оставив следа... И даже не заехав в свою Зубовку...

Где она теперь? Какие каверзы и подкопы готовит? Какие сети расставляет? Александр уж и сам был готов в них запутаться... Так прельстила, увлекла его Оленька своим флерическим, просто настоящим фейерверковым, волшебным явлением...

Так что от Оленьки Зубковой можно ускользнуть, бежать, но скрыться от нее уже труднее, а избавиться – невозможно...

III. Мечты и мысли, надежды и планы Елизаветы Холмской

1. Задача состоит в том, чтобы...

Любви, надежды...

А. С. Пушкин.

Ох! как мне жить!

П. Карбанов.

*Зачем горшишь, моя звезда,
Зачем так ярко светишь мне?*

В. Давыдов.

Взаимоотношения Александра Нелимова и Оленьки Зубковой занимали и еще одну красавицу – Елизавету Холмскую, которая готовилась стать княгиней Ратмирской.

На помолвке Александра и Поленьки Холмская и князь Ратмирский присутствовали еще в ранге жениха и невесты, а в самое ближайшее время они собирались обвенчаться. Но уловление князя в сети Гименея было только первым дей-

ствием обширных планов Елизаветы.

Я хотел написать «широко задуманных планов», но удержался от этих слов, чтобы не погрешить против истины, против нее грешит так много пишущих и прозою и стихами, что я не хотел бы вливаться в их пеструю толпу, которая могла бы заполнить стогны – то есть стонущие от обилия людей площади и улицы великих городов древности и современности, исключая маленькие провинциальные городишки, в них и площадей-то почти нет да и на узеньких улочках толпе тесно и неудобно, ей, толпе, волнующейся как шумное море, подавай столицы.

Даже улавливать князя Ратмирского Елизавета не задумывала и не планировала. Мысль об этом пришла ей в голову уже по ходу действий, началом их послужило внимание, проявленное к ней Ратмирским, осаждаемым Глафирой Сандаковой. И осмыслив складывающуюся стратегическую обстановку и поняв, что у нее есть шанс, Елизавета постаралась этот шанс не упустить.

И не упустила. Однако что такое шанс? Случай, удачное падение игральной кости. Нет, Елизавета не надеялась на удачу, на случайное везение, свой шанс она устроила себе сама и потому кубик игральной кости, брошенный ее умелой рукою, и принес ей заслуженный выигрыш.

Но осмотревшись на завоеванных позициях, Елизавета, ободренная успехом, пришла к выводу, что не нужно останавливаться на достигнутом. Конечно, ее успех велик. Вче-

ра – почти бесприданница, одна из четырех дочерей владелицы деревеньки в сотню душ. Сегодня – княгиня, хозяйка имения в пять тысяч крепостных, обязанных своему барину возможностью трудиться ради его, барина, счастья с молодой и приветливой барыней. И муж приличный, вполне образованный, можно сказать, еще молодой, приятный на вид, с хорошими манерами, далекий от пороков.

Правда, князь Ратмирский слывет человеком малообщительным. И странноватым, склонным к одинокой, даже угрюмой жизни. И скуповатым. И не зажигающим женских сердец, как, например, Александр Нелимов. И как еще сложится с ним жизнь.

Была бы жива его матушка, она своей знаменитой скупостью, надменностью и неуживчивым характером извела бы любую невестку. Но матушка князя Ратмирского давно уже покинула сей, не совсем умевший угодить ей, мир. А сам же князь человек, способный меняться к лучшему.

Задача состоит в том, чтобы переменить действительно косную, несколько, может, в самом деле угрюмую жизнь его на более приятную – во всех отношениях. Действовать нужно осторожно, не торопясь. Но действовать нужно.

Явление Оленьки Зубковой на помолвке Александра Нелимова и Поленьки поразило Елизавету. Поразило и навело на размышления. Конечно, Оленька смела, даже дерзка. И ничуть не боится Старухи, княгини Тверской. А Старуха даже не нашлась, как осадить ее. Да, смела, дерзка. И блиста-

тельна. Ослепительно блистательна. Но не это главное. Откуда такие возможности?

Сказочное, волшебное платье от личного портного из Парижа, пренебрегающего шить самой королеве Марии Антуанетте по той только причине, что в парижском высшем свете ее не хотят принимать за свою. И выезд – по словам Персидского – не менее как стотысячный, карета английская, и лошади английские.

А ведь несколько месяцев назад Оленька не имела ни гроша. Бесприданница, куда как более без ничего, хуже, чем любая из сестер Холмских, у них хоть что-то, но все же есть. И откуда вдруг все это невероятное богатство?

И ведь замуж не вышла. «В невестах хожу», – так она ответила на вопрос майора Нелимова. Так откуда же? Неужели Оленька вернулась к богатому Нашокину и получила все это известною ценою?

Нет, это маловероятно... Она ведь по-прежнему претендует на Александра. Он помолвлен с Поленькой, но от Оленьки можно ожидать чего угодно. И стань она наложницей Нашокина, разве могла бы она так вести себя? Нет, она горда, независима, уверена в себе. Дерзка. Но в то же время – снисходительна.

Нет, богатство Оленьки не греховного происхождения... Падшие девицы себя так не ведут. Хотя... Это здесь, в тверской глуши, они – падшие, грешницы – презираемы. И в Москве, где царят старые нравы, – тоже. А в Петербурге со-

всем по-другому. Племянницы Потемкина живут у дядюшки как в гареме. И ничего, все приняты в свете. И не стесняются своего положения. И допущены ко двору.

Да и сама императрица... Флигель-адъютанты меняются при ней один за другим. Теперь вот Дмитриев-Мамонов. Годами более чем вдвое ее моложе... В Петербурге все по-другому. А в Париже, говорят, мужей и любовников даже вместе представляют на светских церемониях, вполне официально...

Однако Оленька Зубкова ни в Санкт-Петербурге, ни в Париже не бывала. В Москве – да, провела два года у тетки и ни с чем вернулась в Зубовку. И вот вдруг... И все-таки как, откуда такое богатство? Хотя, впрочем, какая разница... Если бы Елизавета и знала, как Оленька в один миг стала сказочно богата, вряд ли она смогла бы повторить подвиг подруги.

2. О скупости и бережливости

И сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размеренным ходом.
Н. В. Гоголь.

*О, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить как ныне!*

А. С. Пушкин.

С Оленькой нужно поддержать отношения. Подругу бесприданницу она может бы и забыла, пренебрегла. Но теперь и Елизавета не просто дочь бедной вдовы – она теперь княгиня Ратмирская. Только нужно, чтобы князь видел и сравнивал положение своей жены и Оленьки. И не сидел сиднем в своем Трилесино, а хотя бы зиму проводил в Москве. Тем более что у него в Москве свой дом. Прожить в Москве, конечно, дорого. Но князь не сказать чтобы стеснен в средствах.

А то, что Ратмирский скуповат – это дело привычки, сложившегося обычая его жизни. И это можно и нужно изменить.

Свадьбу они с князем хотели устроить скромную, но Ели-

завета предложила вообще заменить ее праздником по случаю бракосочетания. Делать так даже считается модным в последнее время. После венчания из церкви молодые едут в дом невесты, дарят родителям подарки, а потом – к себе домой и принимают поздравления дворни и крестьян. А через неделю-другую созывают гостей – но только на ужин и на танцы, принимая всех уже в качестве молодых супругов.

Свадьба, даже скромная, обходилась вдвое дороже, а главное, отнимала очень много времени, требовала хлопот и сильно утомляла. Князю Ратмирскому очень понравилось такое разумное предложение будущей жены, он и сам хотел обойтись праздником, но боялся, что невеста сочтет это проявлением скупости.

Он знал, что о скупости его матери рассказывают чуть ли не легенды. Старая княгиня действительно в преклонных годах стала ворчлива и не любила тратить деньги. Впрочем, тратить деньги она не любила никогда. Когда мать умерла, князь нашел в ее спальне несколько узелков с монетами, спрятанных по углам комнаты. Князь не видел в этом ничего особенного.

Многие старухи и старики, дожившие до таких лет, – а его мать разменяла девятый десяток – ведут себя немного странно. И никто не поручится, что сам он по-другому будет уходить из этого мира, где деньги никогда не лишние, в тот, другой мир, в котором они уже, как говорят, не нужны, хотя никто не знает, потребуются они там или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.